

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МАГИСТРАТУРА

Магистерская программа «Международное экономическое (коммерческое) право»

Выпускная квалификационная работа

«Соотношение односторонних ограничительных мер с правилами ВТО»

_____
Онасенко Александр Александрович

Научный

руководитель к.ю.н., доцент

_____
Кадышева Ольга Владимировна

Дата защиты: «__» _____ 202__ г.

Оценка: _____

Работа представлена на кафедру «__» _____ 202__ г.

Работа загружена в ЭБС «__» _____ 202__ г.

Москва

2024г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Правовая природа односторонних ограничительных мер.....	9
1.1 Понятие и сущность односторонних ограничительных мер.....	9
1.2.Правомерность введения односторонних ограничительных мер.....	18
Глава 2. Меры принуждения в рамках ВТО.....	29
2.1. Правовые основы принуждения в системе ВТО.....	29
2.2. Проблемы толкования и применения «исключений по соображениям безопасности» в системе ВТО.....	40
Глава 3. Соотношение односторонних ограничительных мер и правил всемирной торговой организации.....	59
3.1. Практика применения государствами односторонних ограничительных мер в системе ВТО.....	59
3.2. Критика режима односторонних ограничительных мер в системе ВТО и предложения по реформированию.....	69
Заключение.....	74
Список использованных источников и литературы.....	78

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы заключается в том, что односторонние ограничительные меры активно используются государствами в международных отношениях. На сегодняшний день отсутствуют способы противодействия таким односторонним ограничительным мерам, в первую очередь, ввиду их противоречивой природы.

Целью работы является всестороннее исследование и анализ правовой природы односторонних ограничений, которые в последнее время наиболее активно применяются государствами в международных отношениях.

Достижение данных целей обусловлено решением следующих **задач**:

- 1) исследовать понятие и сущность односторонних ограничительных мер;
- 2) раскрыть правомерность введения односторонних ограничительных мер;
- 3) охарактеризовать правовые основы принуждения в системе ВТО;
- 4) исследовать проблемы толкования и применения «исключений по соображениям безопасности» в системе ВТО;
- 5) проанализировать практику применения государствами односторонних ограничительных мер в системе ВТО;
- 6) исследовать критику режима односторонних ограничительных мер в системе ВТО;
- 7) на основе проведенного анализа сформулировать конкретные предложения по реформированию режима односторонних ограничительных мер в системе ВТО.

Методологическую основу исследования составляют как системный, структурный и логический анализ, так и специальные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический.

При написании работы применялись две основные группы общенаучных методов – эмпирический и теоретический.

Эмпирический метод заключался в анализе международных актов по проблематике темы выпускной работы, а также в поиске и анализе практики рассмотрения споров ОРС ВТО.

Теоретический метод заключался во всестороннем глубоком и полном анализе и исследовании полученной информации, в формулировании проблем, выдвижении гипотез и как итог - в получении теоретически обоснованных выводов.

Теоретическую основу исследования составили научные труды:

А.Х. Абашидзе, С.С. Алексеевой, К.А. Бекяшева, Р.М. Валеева, В.А. Василенко, А.Н. Вылегжанина, О.В. Кадышевой, К.В. Крицкого, Г.И. Курдюкова, И.И. Лукашука, В.А. Мазова, Т.М. Негматовой, Т.Н. Нешатаевой, В.О. Страчко, В.Л. Толстых, Г.И. Тункина, С.В. Черниченко, В.М. Шумилова, L. Ehring, R. Ford, R. Hudec, A. Mitchell, J. Nzelibе, L. Orpenheim и других.

Нормативную основу работы составляют базовые международно-правовые акты, такие как: Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, а также специальные соглашения в системе ВТО, такие как Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, Генеральное соглашение по торговле товарами (ГАТТ), Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (ДРС) и ряд других международно-правовых соглашений.

Эмпирическую базу исследования образует практика разрешения споров ОРС ВТО.

Степень разработанности исследования заключается в том, что на сегодняшний день проблема односторонних ограничительных мер является одной из наименее разработанных в науке международного права.

К объекту исследования относятся общественные отношения в области односторонних ограничительных мер.

Предметом исследования являются нормы соглашений ВТО: ГАТТ, ГАТС, ТРИПС, ДРС.

Структура работы состоит из введения и основной части, которая включает в себя 3 главы, каждая из которых состоит из 2-х параграфов, а также заключения и списка использованных источников и литературы. Первая глава исследования посвящена сущности односторонних ограничений. Исследование данного вопроса становится возможным посредством двух параграфов. Первый параграф посвящен понятию и сущности односторонних ограничительных мер. Вторым параграфом – вопросам, связанным с правомерностью введения односторонних ограничительных мер.

Во второй главе исследуются меры принуждения в рамках ВТО. Данная глава состоит из двух параграфов. Первый параграф посвящен правовым основам принуждения в системе ВТО. Во втором параграфе исследуются проблемы толкования и применения «исключений по соображениям безопасности» в системе ВТО.

Третья глава раскрывает соотношение односторонних ограничительных мер и правил ВТО. Детальному исследованию данного вопроса посвящены два параграфа. Первый параграф посвящен практике применения государствами односторонних ограничительных мер в системе ВТО. Во втором параграфе раскрывается критика односторонних ограничительных мер в системе ВТО и предложения по реформированию.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие положения и выводы:

1. Международно-правовая природа односторонних ограничительных мер является определенной. Санкции и односторонние ограничительные меры можно рассматривать в качестве принудительных мер. Однако принудительные меры в международном праве можно квалифицировать в

качестве правомерных и неправомерных. Санкции, принимаемые с помощью международных организаций («вертикальные санкции») следует квалифицировать в качестве правомерных принудительных мер. Односторонние ограничительные меры, принимаемые одним государством в отношении другого государства, следует рассматривать в качестве неправомерных принудительных мер. Применения санкций в том понимании, в котором изначально закладывалось в международном праве, возможно только Советом Безопасности ООН.

2. Категория «санкции» скорее является публицистической, чем правовой. Санкции являются формой международно-правовой ответственности и правомерно могут применяться только международными межправительственными организациями в отношении своих членов. Ярким примером правомерного применения санкций является решение Совета Безопасности ООН (как главного органа, ответственного за поддержание международного порядка и безопасности) применять санкции в отношении тех государств, которые своими действиями создают угрозу для международного порядка и безопасности. Во всех остальных случаях односторонние действия государств по введению ограничений в отношении других государств нельзя квалифицировать в качестве «санкций» с точки зрения норм и принципов международного права. Такие односторонние действия применяются государствами в силу их суверенитета и на основе их национального права. В связи с чем для обозначения данных действий корректно будет использовать термин «односторонние ограничительные меры».

3. Важно отграничивать понятие односторонних ограничительных мер от контрмер. Контрмеры в международном праве могут быть признаны правомерными только при наличии тех критериев, которые закреплены в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, тем самым односторонние ограничительные меры нельзя отождествлять с понятием контрмер. Таким образом, односторонние

ограничительные меры составляют отдельную группу ограничительных мер, наряду с санкциями и контрмерами.

4. Институт контрмер в понимании разработчиков Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и самого «духа» Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния воплощен именно в системе ВТО. Проанализированные соглашения ВТО, в частности Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров ВТО, закрепляют основания, в соответствии с которыми у государств возникает право на введение ответных мер (контрмер), которые можно квалифицировать в качестве правомерных и допустимых односторонних ограничительных мер. Во всех остальных случаях односторонние ограничительные меры, в том числе воздействующие на международные торговые отношения, являются противоправными, не соответствуют, противоречат и нарушают правила и принципы ВТО. Введение подобных односторонних ограничительных причиняет серьезный вред не только государствам, но и частным лицам.

5. Единственным возможным легитимным основанием введения односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации со стороны ряда западных государств является нарушение интересов национальной безопасности таких государств, предусмотренные подп. "iii" п. "b" ст. XXI ГАТТ 1994 и подп. "iii" п. "b" ст. XIV-бис ГАТС. Государства, обращаясь к ст. XXI ГАТТ должны исходить из существенного характера интересов своей национальной безопасности. Вопрос толкования «существенных интересов безопасности» приобретет особое значение, если какое-либо государство решит оспорить введенные в ее отношении односторонние ограничительные меры со ссылкой на ст. XXI ГАТТ.

6. Существующий режим односторонних ограничительных мер в системе ВТО обладает рядом недостатков. Вместе с тем, предложения по реформированию режима односторонних ограничительных мер способны в определенной степени преодолеть данные недостатки. В том числе,

предложения по введению обеспечительных мер, которые могли бы применяться третейской группой по инициативе государства-заявителя в момент принятия жалобы к рассмотрению, а также введение штрафов или обязанности возместить ущерб вместо отказа от предоставления уступок, переход к некоторой ретроактивности для того, чтобы обеспечить исполнение в разумные сроки, введение механизма постепенного увеличения контрмер по мере того, как государство отказывается исполнять решение ОРС ВТО, установление обязанности по выплате компенсации выигравшей стороне.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

1.1 ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

На сегодняшний день правовая природа односторонних ограничительных мер нуждается в детальном исследовании в силу различных причин. В первую очередь, к применению односторонних ограничительных мер прибегает большое количество государств, как к средству достижения своих внешнеполитических целей. Чаще всего подобные односторонние ограничения именуются «санкциями». Вместе с тем на сегодняшний день, отсутствует единообразный подход к соотношению понятий «односторонние ограничительные меры» и «санкции», что делает проблематику исследования правовой природы односторонних ограничительных мер еще более значимой как для теории международного права, так и для практической плоскости данной области международных правоотношений.

По вопросу соотношения «односторонних ограничительных мер» и «санкций» встречаются противоречивые точки зрения: начиная от полного отождествления данных понятий, заканчивая их резким противопоставлением. Вместе с тем вопрос терминологии является отнюдь не праздным, а носит сугубо практикоориентированный характер. От правильной квалификации действий государств в качестве санкций или односторонних ограничительных мер зависят правовые последствия, которые наступают с момента введения в отношении государств тех или иных санкций или односторонних ограничительных мер, а также способы и механизмы защиты, к которым будут прибегать государства.

Анализ правовой природы санкций, невозможен без исследования смежных вопросов из общей теории права. Правовые нормы обладают рядом признаков, среди которых следует выделить обязательность исполнения. Правовые нормы обязательны к исполнению с момента вступления их в силу для широкого, неопределенного круга лиц. В случае неисполнения,

ненадлежащего исполнения или нарушения правовых норм ставится вопрос о их принудительном исполнении. Государства обладают правом применять принуждение в отношении тех лиц, которые не исполняют или нарушают правовые нормы. Зачастую в общей теории права подобное государственное принуждение рассматривается в тесной связи с юридической ответственностью, а в ряде случаев и отождествляется с ней.

В данном контексте правовая природа санкций рассматривается как компонент правовой нормы, содержащей меры юридической ответственности. Санкции выступают в качестве реакции со стороны государства на противоправное поведение тех или иных субъектов правоотношений. В общей теории права встречается позиция, в соответствии с которой «юридическая ответственность, а также принудительные способы и меры защиты подпадают под понятие «санкции»¹. Подобной точки зрения придерживался С.С. Алексеев, который считал, что «санкции» это широкая категория, характеризующая всю систему средств правового принуждения». В соответствии с данной позицией санкции можно рассматривать как проявление воли государства.

Данный подход обладает определенным значением и для понимания санкций в международном праве. Санкции являются проявлением воли государства. Причем в данном случае речь может идти как об односторонних ограничениях, которые принимаются государством в обход международному праву, так и о санкциях, принимаемых международными межправительственными организациями.

Международные межправительственные организации создаются на основе договора, заключенного между государствами, что подтверждает тот факт, что воля государств лежит в основе деятельности международных межправительственных организаций. Соответственно санкции, вводимые

---

¹ Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права / С.С. Алексеев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. С. 396.

международными межправительственными организациями, также являются проявлением воли государств.

Во внутригосударственном праве понятие «санкции» связывают с понятием «ответственность». Подобный подход применим и к системе международного права. Понятие международно-правовой ответственности тесно связано с понятием международно-правовых санкций. Можно допустить, что во многом санкции являются инструментом ответственности в международном праве.

По мнению И.И. Лукашука «международно-правовая ответственность, представляет собой особый вид публично-правовой ответственности»². В.А. Мазов так определил понятие международно-правовой ответственности: «совокупность правовых отношений, которые возникают в связи с правонарушением, которое совершает субъект международного права, либо в связи с ущербом, причиненным государством другим государствам в результате правомерной деятельности»³.

Вместе с тем анализ научных публикаций по проблематике соотношения ответственности и санкций демонстрирует, что понятие «санкций» зачастую отождествляют или тесно связывают с понятием «ответственность». При этом прямая взаимосвязь между понятиями «санкции» и «ответственность» отсутствует.

В научном сообществе существуют различные подходы к пониманию сущности международно-правовых санкций. Так, по мнению В.Л. Толстых, «санкции представляют собой обособленную форму реакции на правонарушения на международной арене, которая может быть определена как совокупность мер, принимаемых как государствами, так и организациями на основании решений международных организаций»⁴. В.О. Страчко

---

² Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. С. 432.

³ Мазов В.А. Ответственность в международном праве: Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности / В.А. Мазов. – Москва: Юридическая литература, 1979. С. 151.

⁴ Толстых В.Л. Курс международного права / В.Л. Толстых. – Москва: Проспект, 2018. С. 734.

отмечает, что «санкции в международном праве представляют собой специфическую форму международно-правовой ответственности за нарушение государством международных соглашений»⁵.

Т.М. Негматова отмечает, что «санкции рассматриваются в предельно обобщенном виде как все меры охраны международного правопорядка, носящие принудительный характер и содержащиеся в международно-правовых актах»⁶. По мнению К.В. Крицкого под санкциями следует понимать «Меры, применяемые Советом Безопасности ООН на основании главы VII Устава ООН в отношении угрозы миру, нарушений мира или акта агрессии»⁷.

Вместе с тем другая группа ученых придерживается дифференцированного подхода к соотношению понятий «ответственность» и «санкции» в международном праве. При данном подходе происходит разграничение ответственности и санкций в международном праве. При этом санкции, скорее рассматриваются в качестве ответных принудительных мер воздействия.

По мнению Г. И. Курдюкова, «санкции - принудительные действия, которые осуществляются международными организациями, как универсальными, так и региональными, а также двусторонними и односторонними мерами государств»⁸.

В.А. Василенко, дает наиболее полное определение международно-правовых санкций: «любые правомерные принудительные меры,

---

⁵ Страчко В.О. Санкции и их виды в международном праве / В.О. Страчко, К.А. Метельская // Идеи правового государства в юридической доктрине и конституционной практике Беларуси: история и современность : материалы международной научно-теоретической конференции студентов, магистрантов, аспирантов (Минск, 27—28 ноября 2014 г.). – Минск : Экоперспектива, 2014. С. 173.

⁶ Негматова Т.М. Классификация международных санкций и критерии их легитимности / Т.М. Негматова // Вестник Таджикского национального университета. 2018. № 5. С. 99.

⁷ Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юр. наук / Крицкий Кирилл Владимирович; Московский государственный институт международных отношений. Москва, 2019. С. 186 .

⁸ Курдюков Г.И. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы / Г.И. Курдюков, М.В. Кешнер // Журнал российского права. 2014. № 9(213). С. 103.

предпринимаемые в ответ на международные правонарушения государствами и международными организациями»⁹.

Ввиду того, что в проанализированных выше понятиях отмечается, что санкции предусматриваются международно-правовыми нормами, следует проанализировать соответствующие международно-правовые документы, которые прямо или косвенно связаны с понятием санкции. В первую очередь, такие международно-правовые акты как Устав ООН и Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/56/83 об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятая 12 декабря 2001 года (Резолюция).

Устав ООН напрямую понятием санкции не оперирует, но при этом ст. 41 учитывает возможность «применения против государства-нарушителя «принудительных действий», которые включают «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений»¹⁰.

Резолюция также не содержит определения понятия «санкции», однако «допускает возможность любого из государств, не являющимися непосредственно потерпевшими принять правомерные меры против этого государства для обеспечения прекращения нарушения и предоставления возмещения в интересах потерпевшего государства»¹¹. Буквальный анализ текста Резолюции позволяет утверждать, что она не содержит в себе определение санкции в качестве ответных мер.

Односторонние ограничительные меры могут быть квалифицированы в качестве санкций. Данный подход является довольно распространенным в современной науке международного права. Подобная позиция является

---

⁹ Василенко В.А. Международно-правовые санкции / В.А. Василенко. – Киев : Высшая школа, 1982. С. 230.

¹⁰ Устав ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 18.06.2023).

¹¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/56/83 (Нью-Йорк, 12 декабря 2001 г.). URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/237428/A_RES_56_83RU.pdf?sequence=5 (дата обращения: 31.07.2023).

дискуссионной, но все же не лишена смысла и нуждается в подробном исследовании и анализе. При этом подход, в соответствии, с которым происходит абсолютное отождествление понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры» является не состоявшимся.

У санкций и односторонних ограничений различная международно-правовая природа. Санкции носят преимущественно «вертикальный» характер (санкции применяются на основе общеобязательных для исполнения решений Совета Безопасности ООН). Тогда как односторонние ограничения имеют «горизонтальный» характер (применение односторонних ограничительных мер происходит между государствами – равными по статусу субъектами международного права). Односторонние ограничения применяются на основе решения одного и (или) нескольких государств. Однако в западной научной литературе происходит смещение понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры».

Таким образом, проанализировав понятия «санкции» и «односторонние ограничительные меры» в отечественной и зарубежной доктрине можно отметить наличие полярных и зачастую противоположных мнений и точек зрения по вопросу международно-правовой природы рассматриваемых явлений. Вместе с тем как уже было отмечено ранее, данный вопрос носит практикоориентированный характер и для целей настоящего исследования, а также для дальнейшего изучения данной проблематике, целесообразно разграничить данные понятия.

Обоснованной представляется позиция, вследствие которой не стоит допускать смещение и полное отождествление понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры». Санкции выступают в качестве формы международно-правовой ответственности и правомерно могут применяться только международными межправительственными организациями в отношении своих членов.

Ярким примером правомерного применения санкций является решение Совета Безопасности ООН, как главного органа, ответственного за

поддержание международного порядка и безопасности. Совет Безопасности ООН правомочен применять санкции в отношении тех государств, которые своими действиями создают угрозу для международного порядка и безопасности.

При этом не только Совет Безопасности ООН наделен правом вводить санкции в отношении своих членов. Большинство международных межправительственных организаций обладают данной возможностью и весьма успешно ее применяют. Так, Устав Совета Европы предусматривает для своих членов в случае нарушения обязательств (соблюдение верховенства права, выполнение финансовых обязательств), предусмотренных Уставом организации применение различного рода санкций, вплоть до приостановления или исключения членства в организации¹². Вместе с тем Совет Европы является организацией регионального типа.

Таким образом, на сегодняшний день, пожалуй, единственной универсальной международной межправительственной организацией, которая бы объединяла большинство государств мира (193 государства), является ООН. Данное обстоятельство повышает роль и значимость ООН в целом и Совета Безопасности ООН в частности, в вопросах поддержания международного мира, стабильности и безопасности. В случае если государство, являющееся членом ООН, нарушает нормы международного права, тем самым нарушая международный мир, стабильность и безопасность, у Совета Безопасности ООН возникает право на немедленное пресечение такого нарушения, посредством введения в отношении государства-нарушителя, соответствующих международно-правовых санкций.

---

¹² Устав Совета Европы (Лондон, 5 мая 1949 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901954/titles/2CEA3RV> (дата обращения: 16.07.2023).

Во всех остальных случаях односторонние действия государств, по введению ограничений в отношении других государств нельзя квалифицировать в качестве «санкций» с точки зрения норм и принципов международного права. Такие односторонние действия, применяются государствами в силу их суверенитета и на основе их национального права. В связи с чем для обозначения данных действий корректно будет использовать термин «односторонние ограничительные меры». Вопрос правомерности данных односторонних ограничительных мер требует отдельного исследования, в том числе в рамках настоящей работы данный вопрос будет рассмотрен во втором параграфе первой главы.

Таким образом, проведенное исследование в данном параграфе позволяет прийти к следующим выводам:

1. Устав ООН напрямую не оперирует понятием санкции;
2. Резолюции Генеральной ассамблеи ООН A/RES/56/83 об ответственности государств за международно-противоправные деяния также не содержит определения понятия «санкции»;
3. у санкций и односторонних ограничений различная международно-правовая природа;
4. не стоит допускать смешение и полное отождествление понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры»;
5. «санкции» и «односторонние ограничительные меры» можно квалифицировать в качестве принудительных мер;
6. принудительные меры в международном праве бывают правомерными и неправомерными;
7. санкции, принимаемые международными организациями («вертикальные санкции») следует квалифицировать в качестве правомерных принудительных мер;
8. односторонние ограничения следует квалифицировать в качестве неправомерных мер принуждения;

9. санкции выступают в качестве формы международно-правовой ответственности и правомерно могут применяться только международными межправительственными организациями в отношении своих членов;
10. во всех остальных случаях односторонние действия государств, по введению ограничений в отношении других государств нельзя квалифицировать в качестве «санкций» с точки зрения норм и принципов международного права.

1.2 ПРАВОМЕРНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

Применение односторонних ограничительных мер одними государствами против других государств активно критикуется на площадке ООН. Так, в принятой резолюцией Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 1965 г. было подчеркнуто: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ»¹³.

Вместе с тем современное состояние международных отношений характеризуется резким снижением степени договороспособности государств и расширением использования односторонних ограничительных мер, что создает серьезные вызовы и угрозы существующему миропорядку, подрывает уровень доверия между государствами.

В советской, а затем и российской науке международного права неправомерность односторонних ограничительных мер доказывались с позиции принципа международного права, такого как неприменения силы. Причем под «силой» в данном случае понимаются меры неправомерного экономического принуждения.

Данная позиция не лишена смысла. Введение односторонних ограничений наносит существенный вред экономике того государства в отношении которого вводятся данные ограничения. Данный вред можно рассматривать в качестве меры экономического принуждения, которые ставят своей конечной целью изменение политики государства, в отношении которого данные ограничения вводятся. Поэтому во многом происходит

---

¹³ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (Нью-Йорк, 21 декабря 1965 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 11.07.2023).

нарушение еще и другого базового принципа международного права, закрепленного в Уставе ООН – невмешательства во внутренние дела государства.

Односторонние ограничительные меры прямо или косвенно ставят своей целью изменение внешнеполитического курса государства, в том числе посредством влияния на внутреннюю политику государства, в отношении которого данные ограничения вводятся. Подобные действия одних государств по введению ограничений в отношении других государств, приводят к ситуации вмешательства во внутренние дела государств, которые руководствуются своими национальными интересами при принятии тех или иных решений. Поэтому во многом односторонние ограничения являются механизмом не только применения силы, но и вмешательства во внутренние дела другого государства. Таким образом, односторонние ограничительные меры, вводимые отдельными государствами, вступают в определенное противоречие с принципами международного права, закрепленными в Уставе ООН.

В этой связи следует отметить Декларацию о принципах международного права 1970 года (далее – Декларация), в которой закреплено: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав»¹⁴. Данное положение Декларации особенно примечательно с точки зрения анализа современных односторонних ограничительных мер.

Очевидно, что конечной целью, вводимых ограничений, является стремление повлиять на их внешнюю, а в ряде случаев внутреннюю политику. Вследствие чего, природа подобных ограничительных мер в

---

¹⁴Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 24 октября 1970 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 13.07.2023).

большой степени является политической, а не правовой. Данное обстоятельство создает серьезные трудности в оценке и квалификации односторонних ограничительных мер, а также в вопросах выбора способов и механизмов защиты и оспаривания подобных ограничительных мер.

Во многом подобные ограничения являются политическим инструментом воздействия на международные отношения в целом и на политику отдельных государств, в частности. Традиционно, международные отношения (впрочем, как и другие отношения) подвержены серьезному политическому влиянию. Вместе с тем данное обстоятельство не означает, что политический характер односторонних ограничений не нуждается в правильной оценке и квалификации, в том числе в целях поиска возможных путей и способов противодействия данным ограничениям.

Правовая оценка современных ограничений – это один из самых сложных вопросов для специалистов в области международного права. Однако тот факт, что количество работ по данной проблематике неуклонно растет, говорит о стремлении и желании профессионального сообщества дать правильную оценку вводимым ограничениям и предложить возможные пути выхода из сложившейся ситуации.

Вводимые, односторонние ограничительные меры затрагивают широкий спектр отношений (дипломатические, экономические, политические). Кроме того, данные ограничения затрагивают права человека и вступают в определенное противоречие с положениями базовых документов в сфере прав человека, таких как Всеобщая декларация прав человека¹⁵, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁶, Международный пакт о гражданских и политических правах¹⁷, Конвенция о правах ребенка¹⁸. Данные

---

¹⁵ Всеобщая декларация прав человека (Париж, 10 декабря 1948 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 16.07.2023).

международно-правовые акты провозглашают базовые принципы прав человека и создают соответствующие обязательства для государств-участников по недопущению нарушения прав человека.

Вместе с тем в последние годы прослеживается тенденция оправдать применение односторонних ограничительных мер в целях защиты основных прав и свобод человека.

По мнению сторонников концепции оправдания односторонних ограничительных мер в отношении государства, которое нарушает права человека, является стремление других государств, немедленно принудить прекратить совершать данные противоправные деяния. Подобное «принуждение» будет гораздо эффективнее в случае скорейшего введения ограничений со стороны других государств и (или) групп государств. Как было отмечено ранее право на введение санкций есть у международных межправительственных организаций за нарушение государствами-членами организации международно-правовых обязательств, возложенных на себя при вступлении в организацию. Однако, на сегодняшний день, универсальной международной межправительственной организацией является только ООН и не за все нарушения, в том числе нарушения прав человека, ООН вводит в отношении своих членов соответствующие санкции.

Кроме того, можно допустить, что процесс применения санкций международными межправительственными организациями является длительным. Важно исследовать все обстоятельства, изучить позиции государств, собрать соответствующие факты, подобрать правовую базу и только потом прийти к соответствующему решению о применении или не применении санкций. За подобный длительный процесс и нарушения сроков, на сегодняшний день, в научной литературе подвергается критике система введения ответных мер (контрмер) в ВТО (данный вопрос более подробно будет исследован во второй главе).

---

¹⁸ Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года). URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 16.07.2023).

Из чего следует, что затруднительный и долгий процесс введения санкций со стороны международных межправительственных организаций вынуждает многие государства как можно скорее применять меры для защиты прав и свобод человека на основании своего внутреннего законодательства и на основании своего суверенитета.

В данном случае прослеживается идея введения ответных мер (контрмер) в отношении государства, нарушившего нормы международного права в целях побудить государство-нарушителя прекратить и устранить нарушения норм международного права.

Вопрос правомерности введения контрмер, ввиду их особой значимости в системе международных отношений, в науке международного права уделяют особое внимание. Так, следует отменить позицию И.И. Лукашука, в соответствии с которой правомерность контрмер определяется только в условиях совершаемого деликта. Во всех остальных случаях данные контрмеры можно квалифицировать в качестве противоправных.

Основные положения, касающиеся контрмер, содержатся в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (проект статей), разработанном Комиссией международного права и принятом к сведению резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 г. Примечательно, что работа над проектом велась на протяжении довольно длительного времени и на сегодняшний день, данный проект не имеет обязательной силы для государств.

Однако данный Проект является показательным с точки зрения того, что правовая природа контрмер в международном праве также не определена и у государств существуют разные подходы к пониманию сущности рассматриваемого института. Позиция отдельных государств заключалась в том, что контрмеры не подлежат легитимации. В частности, опасения таких государств были основаны на том, что Проект статей предоставит возможность применять силу отдельным крупным государствам, имеющим для этого серьезные возможности. Данные опасения были отвергнуты на том

основании, что Проектом статей предусмотрена возможность не легитимации, а ограничение применения контрмер.

В целях недопущения злоупотребления контрмерами были разработаны конкретные критерии их правомерности. Данное обстоятельство, можно отнести к существенному достоинству такому международно-правовому институту, как контрмеры. Для контрмер в международном праве предусмотрены критерии правомерности, в отличие от санкций или односторонних ограничительных мер.

Контрмеры признаются правомерными при соблюдении определенных условий:

1. данные контрмеры должны применяться только потерпевшим государством;
2. контрмеры, понимаемые в качестве ответных мер должны быть направлены только против государства-нарушителя;
3. введение контрмер возможно только в случае отказа государства-нарушителя прекратить совершать противоправные действия;
4. контрмеры должны быть соразмерны нарушению;
5. контрмеры не должны нарушать и противоречить императивным нормам международного права;
6. единственной правомерной целью контрмер должно являться стремление побудить государство-нарушителя выполнить свои обязательства по прекращению противоправных действий;
7. действие контрмер должно быть прекращено при окончании противоправного деяния.

В случае несоблюдения одного из данных условий контрмеры следует квалифицировать в качестве неправомерных. Буквальный анализ указанных критериев позволяет утверждать, что односторонние ограничительные меры не попадают под данные категории, ввиду чего понятия «односторонние ограничительные меры» нельзя отождествлять с понятием «контрмер».

В эпоху глобализации международные отношения отличаются высокой степенью взаимозависимости и взаимообусловленности. Очевидно, что вводимые односторонние ограничительные меры против конкретных государств затрагивают права «третьих государств». Тем самым подобные ограничения создают «экстерриториальный хаос» в международных отношениях.

Анализ западной правовой доктрины позволяет утверждать, что господствующей является позиция, в соответствии с которой введение подобных односторонних ограничительных мер соответствует суверенитету государств, вводящих данные односторонние меры. Отдельные ограничения, впрочем, могут устанавливаться в рамках специальных правовых режимов, например правилами Всемирной торговой организации (данный вопрос будет рассмотрен во второй главе).

Проводя тщательный анализ сторонников и противников односторонних ограничений, можно отметить, что позиция, в соответствии с которой, подобные ограничения соответствуют суверенитету государства, также не лишена смысла. В частности, приверженцы данной позиции отмечают, что Устав ООН действительно содержит запрет на применение силы в межгосударственных отношениях. Вместе с тем данные положения Устава ООН прямо не устанавливают запрет на применение государствами ограничений в одностороннем порядке. Так, Л. Оппенгейм исходит из того, что «государству – даже при наличии существующих международно-правовых ограничений на запрет силы – присущ полный контроль над своими торговыми связями»¹⁹.

Таким образом, в западной правовой доктрине происходит смешивание понятий «санкции» и «односторонние ограничительные меры». Подобные меры рассматриваются скорее в качестве инструмента внешней политики, используемого при достижении своих внешнеполитических целей. Вместе с

---

¹⁹ Oppenheim L. International Law. –London, 1952. Vol. II. P. 34-35

тем в западной науке международного права не стоит вопрос о правовой оценке и квалификации данных ограничений.

Западная международно-правовая доктрина исходит из того, что прямого запрета на применение подобных ограничений не существует, что позволяет по своему усмотрению активно обращаться к их применению при достижении своих целей. В данном случае, прослеживается мысль о том, что западная доктрина исходит из того, что в этом случае действует концепция: «Разрешено все, что не запрещено законом». Данная концепция свойственна западной правовой мысли. Вместе с тем расширительное толкование данной концепции приводит к ее злоупотреблению, в том числе в международных отношениях.

Анализируя исключительно правовую, а не политическую составляющую вводимых односторонних ограничительных мер на примере ограничений, вводимых западными государствами в отношении Российской Федерации, следует отменить, что правовым основанием установлением односторонних ограничительных мер в отношении РФ могли бы выступать положения подп. «iii» п. «b» ст. XXI ГАТТ 1994²⁰ и подп. «iii» п. «b» ст. XIV-бис ГАТС²¹, т. е. ссылка на военное время и наличие чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях. Вместе с тем пределы толкования данной нормы трудно определимы, что приводит к злоупотреблению данной нормой.

Кроме того, нельзя обосновать, вводимые односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации группой западных стран в качестве контрмер. Анализируя нормативные правовые акты США, ЕС и ряда других государств, которые вводили односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации на предмет их

---

²⁰ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524 – 2538.

²¹ Генеральное соглашение по торговле услугами 1994 г. // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524 – 2538.

соответствия нормам и принципам международного права можно констатировать, что они носят сугубо политический, а не правовой характер.

Особо следует отметить, что в данных нормативных правовых актах не содержится конкретных ссылок на нарушение Российской Федерацией конкретных международно-правовых обязательств. В соответствии с данными ограничительными мерами Российская Федерация не привлекается к международно-правовой ответственности за нарушение международно-правовых обязательств. Тем самым, вводимые односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации западными странами не соответствуют критериям правомерности контрмер, которые были рассмотрены выше.

Весьма противоречивым является правовая аргументация того, что данные ограничения вводятся в отношении Российской Федерации исходя из принципа суверенитета государств. Как было отмечено ранее, данная позиция активно отстаивается в западной правовой доктрине. Вместе с тем принцип суверенного равенства государств исключает возможность правомерного и легитимного применения одних государств или группы государств в отношении других государств.

Тем не менее, односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации и ряда других государств, таких как Иран, Сирия, Куба представляются международному сообществу в качестве санкций за нарушение международного миропорядка.

Таким образом, проведенное исследование в данном параграфе позволяет прийти к следующим выводам:

1. вопрос правомерности и легитимности односторонних ограничительных мер является открытым и подлежит дальнейшему исследованию;
2. виду того, что международное право не содержит прямого запрета на применение подобных ограничений, государства активно прибегают к ним в качестве инструмента внешней политики,

обосновывая правомерность и легитимность таких ограничений с позиции своего суверенитета;

3. западная международно-правовая доктрина исходит из того, что прямого запрета на применение подобных ограничений не существует, что позволяет по своему усмотрению активно обращаться к их применению при достижении своих целей;
4. активное использование односторонних ограничительных мер в международных отношениях наносит серьезный ущерб международному правопорядку;
5. в условиях становления многополярного мира идея «подчиненности» одних государств, другим государствам является крайне сомнительной;
6. можно констатировать, что на сегодняшний день происходит подмена понятий как в публицистической, так и в научной литературе;
7. «санкциями» именуют односторонние ограничительные меры и контрмеры. Вместе с тем, важно разграничивать приведенные понятия;
8. применение санкций в том понимании, в котором изначально закладывалось в международном праве, возможно только Советом Безопасности ООН;
9. важно отграничивать понятие контрмер от односторонних ограничительных мер;
10. контрмеры в международном праве могут быть признаны правомерными, только при наличии тех критериев, которые закреплены в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния;
11. односторонние ограничительные меры нельзя отождествлять с понятием контрмер;

12. односторонние ограничительные меры составляют отдельную группу ограничительных мер, наряду с санкциями и контрмерами, которую только предстоит исследовать в науке международного права.

ГЛАВА 2. МЕРЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В РАМКАХ ВТО

2.1 ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВТО

Действия государств по введению в отношении юридических и физических лиц, а также других государств определенных ограничений или даже целого комплекса мер, позволяющего говорить о существовании «санкционного режима» порождают немало правовых вопросов, связанных с квалификацией данных односторонних ограничительных мер и их соотношением с правилами и принципами ВТО.

На сегодняшний день государства практически не прибегают к тому санкционному механизму, который предусмотрен Уставом ООН, Советом Безопасности ООН (предполагаемые причины данного явления были рассмотрены в первой главе), поэтому монополии на санкции со стороны Совета Безопасности ООН давно уже нет. Государства прибегают к так называемому «горизонтальному принуждению», исходя из своего суверенитета. Вместе с тем до сих в науке международного права отсутствует единая позиция по вопросу соответствия подобных действий государств по введению односторонних ограничительных мер международно-правовым обязательствам государств, в том числе обязательствам, предусмотренным для государств в рамках ВТО.

Для ответа на данный вопрос следует рассмотреть правовую природу данной международной торговой организации. ВТО - это пример классической международной межправительственной организации, которая обладает целым спектром особенностей и отличительных черт.

Во-первых, все решения в рамках ВТО принимаются на основе консенсуса. Кроме того, отличительной характеристикой ВТО является отсутствие каких-либо прав в отношении ее членов. В свою очередь члены ВТО лишены возможности влиять или каким-либо иным образом воздействовать на ВТО. Контроль за исполнением решений ВТО осуществляется самими государствами-членами организации. Учредители ВТО не ставили перед собой цель создать международную организацию,

которая способна своими решениями влиять на деятельность государств в области международной торговли.

В соответствии с п. 1 ст. II Соглашения ВТО данная международная организация призвана обеспечивать общие институциональные рамки для осуществления торговых отношений между ее членами в вопросах, относящихся к их соглашениям и связанным с ними правовым документам. Данная международная организация должна способствовать выполнению, применению и действию многосторонних торговых соглашений, содействовать осуществлению их целей, обеспечивать рамки для выполнения торговых соглашений в вопросах, относящихся к соглашениям и связанным с ними правовым документам (п. 1 ст. III Соглашения ВТО). Кроме того, ВТО является форумом для переговоров между ее членами по вопросам их многосторонних торговых отношений, относящимся к соглашениям, которые содержатся в Приложениях к Соглашению ВТО (п. 2 ст. III)²².

ВТО обладает всеми институтами, необходимыми для успешного функционирования международной межправительственной организации и разрешения возможных противоречий. Соблюдение, исполнение и обеспечение соглашений ВТО, которые призвана обеспечить сама торговая организация, представляют собой сложный набор обязательств между ее членами.

Вследствие чего данные соглашения по своей сути содержат весь спектр мер, которые призваны осуществлять государства, а также фиксируют главные принципы, которым должны следовать государства при осуществлении международной торговли. Такими принципами являются: свобода торговли, урегулирование торговых соглашений исключительно тарифными методами, запрет нетарифных ограничений, режим наибольшего благоприятствования (РНД), национальный режим (НР), транспарентность. Целью ВТО является либерализация международной торговли.

---

²² Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (дата обращения: 07.08.2023).

При этом специальные правила ВТО, предусматривают наличие исключений из вышеназванных принципов в соответствии со ст. XX Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 (ГАТТ). Исключения из основополагающих принципов ВТО не должны применяться, таким образом, который мог бы стать средством произвольной или неоправданной дискриминации между странами, в которых преобладают одинаковые условия или скрытые ограничением международной торговли.

Данная норма устанавливает ряд исключений из указанного принципа, предполагая, что в определенных случаях заинтересованный участник ВТО может принимать или применять в одностороннем порядке соответствующие меры, необходимые, в частности, для:

- 1) защиты общественной морали;
- 2) защиты жизни или здоровья человека, животных и растений;
- 3) обеспечения соответствия законам или правилам о монополиях, защите патентов, товарных знаков и авторских прав и предупреждения нечестной практики;
- 4) охраны национальных сокровищ художественной, исторической или археологической ценности;
- 5) консервации истощаемых природных ресурсов;
- 6) ограничения экспорта отечественных материалов, а также для обеспечения условий, существенных для приобретения или распределения товаров, являющихся дефицитными в целом или для конкретного региона (ст. XX ГАТТ 1994).

Общие ограничения, близкие к перечисленным выше, предполагает и статья XIV Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС).

Ответственность за нарушение правил ВТО отличается от норм общей международно-правовой ответственности, закрепленной в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года. В системе разрешения споров ВТО целью вводимых мер является

прекращение нарушений норм и правил ВТО. При этом система ВТО не акцентирует внимание на возмещение причиненного ущерба.

Подобный подход, связан со специфической природой ВТО. Отношения между членами ВТО выстраиваются на равноправной основе. Целью данной международной торговой организации не является принуждение государств выполнять положения соглашений, предусмотренных системой ВТО. Идея, которая лежит в основе создания ВТО, заключается в том, что ВТО устанавливает общие институциональные рамки и создает условия для переговоров между государствами-членами.

Таким образом, под воздействием особенностей обязательств, возникающих между членами ВТО по соглашениям, входящим в систему ВТО складывается своеобразный подход к институту международно-правовой ответственности государств в системе ВТО.

Вместе с тем основная цель правил ВТО в ситуациях нарушения его положений в определенном смысле соответствует «духу» и общему пониманию Проекта статей об ответственности. В частности, в ситуации отсутствия взаимоприемлемого решения ключевой целью механизма разрешения споров будет являться стремление отменить принятые меры в том случае, если будет установлено, что данные меры противоречат и нарушают какое-либо положение в системе ВТО.

На сегодняшний день, анализ дел, рассматриваемых третейскими группами и Апелляционным органом позволяет утверждать, что третейские группы и Апелляционный орган высказывают свою позицию о мерах, которые уже утратили силу. Причем в таких мерах шла речь о коллизии достаточно особых обстоятельств. В подобных ситуациях, принимаемый доклад органами по разрешению споров будет являться своеобразным свидетельством того, что государство-нарушитель даст гарантии неприменения подобных мер в будущем.

Возможность применения мер принуждения предусмотрена в ДРС. Данный документ является приложением к соглашению об учреждении ВТО.

Анализ ДРС позволяет утверждать, что в нем имеются положения, которые говорят о том, что компенсация приостановления уступок или других обязательств являются временными мерами, к которым можно прибегать в случае, когда рекомендации и решения не выполняются в течение разумного периода времени.

Однако ни компенсация, ни приостановление уступок или других обязательств не являются более предпочтительными, чем выполнение в полном объеме рекомендаций о приведении мер в соответствии с охваченными соглашениями. В качестве примера можно привести отмену США торговых уступок в ответ на введенный режим импорт бананов, который был признан противоречащим правилам ВТО. Кроме того, к подобным примерам можно отнести ответные действия США после введения ЕС ограничений импорта обработанной американской говядины или запрос ЕС о приостановлении уступок на том основании, что РФ не выполнила рекомендации решений ОРС ВТО.

Таким образом, определяя природу «санкционного принуждения» в правилах ВТО, можно поставить знак равенства между словосочетаниями «санкциями в ВТО» и «компенсацией и приостановлением уступок». Компенсации и приостановление уступок всегда будут крайними мерами, которые носят временный характер. Кроме того, данные меры должны носить эквивалентный характер и должны применяться в том же самом секторе, в рамках одного соглашения.

Еще один аспект применения данных мер, который следует отметить, что в случае, если между сторонами возникнет спор о неэквивалентности применимых ограничений, то этот спор может быть передан на решение арбитража. Ключевым в применении данных мер является то обстоятельство, вследствие которого, меры, принимаемые в системе ВТО не должны иметь цели наказания. Данные меры должны применяться в целях принуждения государства, проигравшего спор, выполнить решение ОРС ВТО и в дальнейшем отменить оспоренную в рамках процедуры разрешения споров

ВТО меру. При этом ключевым является обстоятельство, в соответствии с которым приостановление уступок должно осуществляться только исключительно на основании решения ОРС ВТО.

В текущей международной обстановки активно используются ограничительные меры, называемыми односторонними экономическими принудительными мерами. При этом подобные односторонние экономические принудительные меры включают в себя все виды ограничений торговли между государствами и проникают в международную финансовую и международную инвестиционную сферу.

На практике государства довольно часто прибегают к различного рода односторонним экономическим принудительным мерам, таким как бойкот, эмбарго и т.д. При этом данные односторонние экономические принудительные меры не подпадают под процесс урегулирования в рамках ВТО. Это связано с тем, что данные односторонние меры принуждения нельзя квалифицировать в качестве приостановления уступок.

Данные меры принуждения являются исключительными мерами, к которым государства прибегают в особых обстоятельствах. В связи с чем в данном контексте подобные односторонние экономические принудительные меры всегда будут инструментом давления. Так, еще в эпоху существования ГАТТ, до создания ВТО в 1982 году договаривающиеся стороны ГАТТ приняли решение, в соответствии с которым они принимают на себя обязательства воздерживаться от применения ограничительных, торговых мер по причинам неэкономического характера, противоречащим ГАТТ.

Таким образом, еще до создания ВТО государства стремились исключить все меры неэкономического воздействия на свои торговые отношения и стремились отказаться от их использования.

В качестве современного примера применения мер одностороннего принудительного экономического воздействия и использования того инструментария, который на сегодняшний имеет ВТО, следует привести случай с Катаром, который в 2017 году инициировал процесс разрешения

споров в рамках ВТО в основе которого лежали политические мотивы отдельных государств.

В июне 2017 года группой государств: ОАЭ, Саудовская Аравия и Бахрейн в отношении Катара были введены односторонние принудительные меры экономического воздействия.

Данные меры предполагали:

1. закрытие морских границ с Катаром;
2. введение запрета доступа катарских воздушных судов в воздушное пространство;
3. запрет захода в свои национальные порты всем судам, находящимся под юрисдикцией Катара;
4. запрет выгрузки в портах любых товаров прибывающих из Катара;
5. запрет погрузки любых товаров следующих в Катар;
6. запрет полета любым воздушным судам, зарегистрированным в Катаре;
7. запрет посадки катарским воздушным судам в аэропортах;
8. закрытие офисов нескольких катарских поставщиков услуг;
9. блокирование доступ в интернет сайты некоторым катарским поставщикам услуг на территории Катара;
10. введение ограничений трансляции и работы некоторых катарских поставщиков медикаментов в коммерческие учреждения и введение ряда других принудительных мер воздействия.

Катар предпринял попытки урегулировать возникшую ситуацию с использованием процедуры разрешения споров ВТО. В запросе на проведение консультации было указано, что оспариваемые меры включают в себя все писанные и неписанные, опубликованные и неопубликованные односторонние меры, принимаемые в контексте попыток принудительной экономической изоляции Катара.

По отдельности и в совокупности данные меры связаны с торговлей товарами, услугами и торговыми аспектами прав интеллектуальной

собственности. В своем запросе на проведение консультаций Катар сослался на конкретные положения соглашений ВТО, которым противоречат действия государств, предпринявшие данные меры в отношении Катара.

В данном случае были затронуты положения ГАТТ, положения ГАТС, а также соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Группа государств, применивших данные односторонние экономические принудительные меры в отношении Катара, сделали совместное заявление, в котором сообщили, что в их действиях отсутствует нарушение правил ВТО при введении ограничений в отношении Катара.

Таким образом, данный случай наглядно демонстрирует практическую составляющую проблемы, связанную с мерами принуждения в системе ВТО, а также с исключениями по соображениям безопасности в правовом порядке ВТО (данный вопрос будет исследован в следующем параграфе).

Анализ практики применения мер принуждения до и после создания ВТО довольно обширна. Например, в 1986 году США ввели двойное эмбарго в отношении Никарагуа. Никарагуа подала соответствующую жалобу. США сослались на «исключения по соображениям национальной безопасности». При этом подготовленный рабочей группой доклад каких-либо аргументов по существу ст. XXI ГАТТ не содержал.

В 1996 году США ввели односторонние принудительные меры в отношении Кубы. Учреждение третейской группы состоялось. США ссылались на отсутствие компетенции у ВТО рассматривать спор. Потому что спор носил неторговый характер, но по существу спор так и не был рассмотрен. В связи с достижением договоренности между сторонами.

В 1999 год Никарагуа ввела односторонние принудительные меры против Гондураса и Колумбии. Никарагуа возразила, что Третейская группа не обладает соответствующей компетенцией.

В ситуации отсутствия существенного нарушения исполнения по обязательству, одностороннее прекращение таких обязательств

предусматривает возмещение убытков, которые понесла сторона, ввиду одностороннего прекращения обязательств другой стороной. Кроме того, помимо возмещения убытков, потерпевшая сторона вправе заявить реституционные требования в отношении той стороны, которая нарушила исполнение, возложенных на нее обязательств.

В качестве исследования вопроса, связанного с правовым обоснованием введения односторонних ограничительных мер следует остановиться на так называемой доктрине «существенного изменения обстоятельств». Ввиду того, что введение односторонних ограничительных мер происходит со ссылкой на ст. XXI ГАТТ 1994 и ст. XIV-бис ГАТС ряд исследователей отмечают наличие в данном случае «существенного изменения обстоятельств».

Следует отметить, что в случае с существенным изменением обстоятельств в качестве неисполнения обязательств выступает внешний экономический фактор, то в ситуации с односторонними ограничительными мерами речь идет не об экономической невыгодности исполнения обязательств, а о политическом мотиве, которому отдает предпочтение по сравнению с экономическими выгодами, имеющими значение для обеих сторон.

Примечательно, что во многом подобные ограничительные меры предусматривают различного рода ограничения для национальных физических и юридических лиц на сотрудничество с лицами, попавшими в так называемый «санкционный список», что позволяет ряду исследователей говорить о национальной природе данных ограничений.

Важным отличием существенного изменения обстоятельств от невозможности исполнения обязательств является вопрос юрисдикции существенного изменения обстоятельств. Так, условием применения доктрины «существенного изменения обстоятельств» является участие суда при решении вопроса о возможности или невозможности исполнения

обязательств. Причем вне зависимости от того в какой правовой системе будет идти данное разбирательство.

В ситуации односторонних ограничительных мер действия государства, вводящего данные меры, носит открыто односторонний и неюрисдикционный характер.

Ввиду чего, наличие оснований для применения исключений, регламентированных ст. XXI ГАТТ 1994 и ст. XIV-бис ГАТС, не может и не должно квалифицироваться, с одной стороны, в качестве существенного изменения обстоятельств, а с другой стороны, в качестве обстоятельства непреодолимой силы со всеми вытекающими из этого вывода правовыми последствиями.

Таким образом, единственным возможным легитимным основанием введения односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации со стороны ряда западных государств является нарушение интересов национальной безопасности таких государств, предусмотренных подп. "iii" п. "b" ст. XXI ГАТТ 1994 и подп. "iii" п. "b" ст. XIV-бис ГАТС.

Государства должны защищать свои национальные интересы, а не интересы третьих стран, как в ситуации введения односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации со стороны США и ЕС, ввиду событий на Украине.

Таким образом, анализируя правовые аспекты мер принуждения в системе ВТО, следует отметить, что действия государств по введению односторонних ограничительных мер создают немало правовых трудностей, носящих сугубо практический характер.

В первую очередь по той причине, что правовым обоснованием введения подобных ограничений выступают национальные нормативные правовые акты или акты интеграционных объединений, таких как ЕС, а также принцип суверенитета государств.

Кроме того, в большинстве случаев меры принуждения подвержены политической конъюнктуре.

Анализ сугубо правовых аспектов ведения односторонних ограничительных мер в системе ВТО позволяет говорить об их несоответствии и противоречии природе ВТО и тем принципам, которые лежат в основе функционирования данной международной межправительственной организации.

2.2 ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМИНЕНИЯ «ИСКЛЮЧЕНИЙ ПО СООБРАЖЕНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ» В СИСТЕМЕ ВТО

Правила ВТО предусматривают довольно большое количество исключений, которые позволяют государствам правомерно не исполнять свои обязательства принятые ими в рамках ВТО. К такого рода исключениям относятся исключения по соображениям безопасности.

Исследовав положения ГАТТ, которые как раз эти исключения и обозначают, можно увидеть, что в ст. XXI ГАТТ указано, что ни что настоящим соглашением не должно быть истолковано как требования к какой-либо договаривающейся стороне предоставить какую-либо информацию, раскрытие которой она считает противоречащим существенным интересам ее безопасности или как препятствие любой договаривающейся стороне предпринять такие действия, которые она считает необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности.

Таким образом, членам ВТО допускается прервать торговые отношения с другими членами ВТО. США и другими государствами ограничительные меры вводились по соображениям национальной безопасности. В частности, Указами Президента США от 6 марта 2014 года, получившим недвусмысленно название «Вклад в ситуацию на Украине»²³, были введены односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации со ссылкой на Законы «О международных чрезвычайных экономических полномочиях»²⁴ и «О чрезвычайном национальном положении»²⁵. Отличительной чертой данных законов является то, что они возникли во времена серьезного геополитического противостояния между СССР и США с

---

²³Federal Register Vol. 79, No. 46. Monday, March 10, 2014. P. 13493 - 13495. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo.pdf.

²⁴ International Emergency Economic Powers Act (IEEPA) // 50 U.S. Code Chapter 35.

²⁵ National Emergencies Act (NEA) // 50 U.S. Code Chapter 34.

момента окончания Второй мировой войны, вошедшее в историю под названием «Холодная война».

Данные нормативные правовые акты, при наличии факта существенной угрозы национальным интересам США, наделяли Президента США полномочиями по установлению запретов и контроля, посредством принятия соответствующих Указов Президента США, над любыми экономическим операциями, которые прямо или косвенно были связаны с собственностью иностранного государства. Законодательство США наделило главу государства самостоятельно вводить своими указами односторонние ограничительные меры в отношении иностранных государств. Причем применение таких ограничений происходило исключительно на собственном представлении Президента США о существовании внешней угрозы национальным интересам США.

Таким образом, анализ «санкционного законодательства» США позволяет утверждать, что введение односторонних ограничительных мер происходит исключительно на основе национального законодательства США. Подобные ограничения вводятся в отношении иностранного государства или в ряде случаев целого ряда иностранных государств, а также зачастую затрагивают права третьих государств, расширяя, таким образом, сферу своего действия. Вместе с тем данные ограничительные меры нельзя назвать санкциями или контрмерами в привычном международно-правовом смысле, ввиду того, что такие ограничения вводятся на основе национального законодательства и не предусмотрены международным правом, напротив, как правило, противоречат ему.

Анализ нормативных правовых актов ЕС, на основании которых, начиная с 2014 года вводились односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации, позволяет утверждать, что данные акты в принципе не содержат какого-либо правового обоснования, ввиду того, что вопросы национальной безопасности отнесены к юрисдикции каждого государства-члена ЕС. В случае с ЕС данные ограничения скорее являются

политическим институтом, чем правовым. Односторонние ограничения любых государств в большей степени являются политическим механизмом.

В данном контексте целесообразно затронуть вопрос, связанный с соотношением нормативных правовых актов США и ЕС, а также ряда других государств, активно прибегающих к механизму односторонних ограничительных мер, таких как Австралия, Канада, Япония и т.д. с правилами и принципами ВТО. В данном случае, в качестве правового обоснования введения государствами односторонних ограничительных мер выступают национальные нормативные правовые акты данных государств. Кроме того, в зарубежной доктрине активно отстаивается идея введения подобных ограничений в силу суверенитета самих государств, что порождает немало вопросов, связанных с процессом международной глобализации и унификации государств, которая проявляется во всех сферах общественной жизни, включая международную торговлю.

На сегодняшний день, в западной политико-правовой мысли активно отстаивается идея необходимости дальнейшего усиления глобализационных процессов, начавшихся на рубеже XX-XXI века, а также подтверждается приверженность базовым принципам глобализации. Одним из ярких примеров глобализации является усиление международных торговых связей, либерализация всей международной торговли, снятие барьеров эскорта, импорта и иных ограничений, которые нанесли бы вред успешному функционированию международной торговли.

В этой связи прослеживается определенное противоречие обоснования введения односторонних ограничительных мер в силу самого суверенитета государств с концепцией глобализационных процессов, в том числе происходящих в международной торговле. Экстерриториальный характер односторонних ограничительных мер затрудняет, усложняет, а в большинстве случаев наносит непоправимый ущерб международной торговле, что нарушает базовые принципы и правила ВТО.

Анализ нормативных правовых актов Российской Федерации в области «санкционного законодательства», в частности базового Федерального закона от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» позволяет утверждать, что Российская Федерация обосновывает введение каких-либо ограничений против иностранного государства также по соображениям национальной безопасности.

Так, в ч.2 ст.1 данного Федерального закона закреплено, что «специальные экономические меры применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации и (или) нарушающие права и свободы ее граждан»²⁶.

Среди целей применения специальных экономических мер закон закрепляет интересы и безопасность Российской Федерации, а также устранение или минимизацию угрозы нарушений прав и свобод ее граждан. Кроме того, в соответствии с ч.1 ст.3 данного Федерального закона специальные экономические меры носят временный характер и применяются независимо от других мер, направленных на защиту интересов Российской Федерации, обеспечение безопасности Российской Федерации, а также на защиту прав и свобод ее граждан.

Таким образом, Российская Федерация не является исключением, и введение односторонних ограничений в нашем законодательстве обосновывается с позиции защиты национальных интересов и безопасности Российской Федерации.

Однако в случае с Российской Федерации следует отменить, что наше государство прибегает к подобным ограничениям только в качестве ответных мер на недружественные действия в ее отношении со стороны иностранных

---

²⁶ Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64883 (дата обращения: 21.07.2023).

государств. В данном случае правомерность подобных ответных мер не лишена смысла и носит более объективный и легитимный характер. Принятие ответных мер обусловлено введением в отношении Российской Федерации односторонних ограничений, представляющих серьезную угрозу национальным интересам Российской Федерации.

С момента начала событий на Украине в 2014 году правительства США, ЕС и ряд других государств вводят ограничения в отношении Российской Федерации, именно со ссылкой на защиту интересов национальной безопасности своих государств. Буквальное толкование понятия «национальные интересы» позволяет утверждать, что то или иное правительство должно защищать именно национальные интересы своего государства. Сложно представить ситуацию, при которой государства, вводящие ограничения в отношении Российской Федерации ввиду событий на Украине имеют в данной стране свои национальные интересы. Каким образом США и европейские страны защищают свои национальные интересы на территории Украины?

В исключительных случаях можно рассуждать о защите национальных интересов приграничных государств с Украиной – таких как Польша, Венгрия, Румыния. Но на сегодняшний день сложилась ситуация при которой государства, вводящие ограничения в отношении Российской Федерации из-за событий на Украине расположены за тысячи километров от самой Украины.

Таким образом, не вдаваясь в политические мотивы введения данных ограничительных мер можно отметить, что западные государства исходят из расширительного толкования «интересов национальной безопасности», что, несомненно, приводит к злоупотреблению и требует должной оценки данных действий со стороны международного сообщества, в том числе на предмет соответствия нормам как общего международного права, так и правилам ВТО.

Нормы, позволяющие для государства-члена ВТО, принимать практически любые меры, которые государство сочтет необходимым для защиты своих национальных интересов в контексте исключений по соображениям безопасности, предусмотренных ст. XXI ГАТТ 1994 и ст. XIV-бис ГАТС подлежат расширительному толкованию.

Опасность данной ситуации заключается в том, что практически для государств-членов ВТО отсутствуют какие-либо общие рамки, что следует понимать под интересами национальной безопасности, что приводит к формированию такого правового режима, при котором государства-члены ВТО, единолично, по своему усмотрению определяют исполнение обязательств по соответствующим торговым соглашениям.

Вместе с тем упомянутые исключения по соображениям безопасности все же предусматривают четыре случая, когда события, составляющие содержание угрозы национальной безопасности, прямо определены в содержании норм ст. XXI ГАТТ 1994 и ст. XIV-бис ГАТС. К таким случаям относятся:

1. действия контрагентов в отношении расщепляемых материалов или материалов, из которых они производятся;
2. в отношении торговли оружием, боеприпасами и военными материалами, а также торговли другими товарами и материалами, которая осуществляется, прямо или косвенно, для целей снабжения вооруженных сил;
3. военное время или другие чрезвычайные обстоятельства в международных отношениях;
4. необходимость осуществления действий во исполнение обязательств отказывающейся стороны в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для сохранения мира во всем мире и международной безопасности (ст. 48 Устава ООН).

Международно-правовым обоснованием введения односторонних ограничений в отношении Российской Федерации выступили положения "iii"

п. "b" ст. XXI ГАТТ 1994 и подп. "iii" п. "b" ст. XIV-бис ГАТС. Данные положения предполагает введение односторонних ограничений при наличии военного времени и чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях. Отсутствие пределов толкования данных положений на практике приводит к их злоупотреблению.

Во многом право ссылаться на «исключения по соображениям безопасности» предопределено правом единоличного усмотрения при преследовании целей защиты национальной безопасности. Свобода усмотрения, при этом, должна иметь свои границы. Необходимо учитывать принципы добросовестности и не злоупотребления своими правами, а также то обстоятельство, что интересы национальной безопасности должны быть существенными, и в любом случае данные меры не должны оказывать ограничительный эффект на торговлю.

Поэтому статья XXI ГАТТ может и не сработать в протекционистских целях и учитывая негативную практику ОРС ВТО по статье XX (общие исключения). Существует определённый риск, что «исключения по соображениям безопасности» не могут применяться к обязательствам, которые вытекают из протоколов о присоединении. Поэтому - это, прежде всего, касается тех государств, которые присоединились к Соглашению об учреждении ВТО позднее, после ее создания.

Односторонние экономические принудительные меры находятся за рамками правового поля ВТО, поскольку они находятся в противоречии с ее основными целями и принципами. Это, прежде всего, получение максимальных преимуществ торговли при полном сокращении недискриминации в торговле.

Вместе с тем оспаривание применения односторонних экономических мер ВТО возможно только в том случае, если эти меры приводят к сокращению и аннулированию выгод предоставляемых соглашениями ВТО, а это единственное основание, которое позволяет членам ВТО обращаться к процедуре разрешения споров ВТО. Здесь есть определённые особенности.

Поскольку, особенность решений, которые принимает ОРС ВТО обусловлено особенностью исполнения этих предписаний, поэтому всегда у государств будет возможность в какой-то ситуации и не исполнять решения ОРС ВТО.

Вместе с тем практика показывает, что таких ситуаций крайне мало и в этом случае как раз запускается санкционный механизм, который существует в рамках ВТО. Приостановление уступок, имеющееся практика ОРС ВТО подтверждает незначительное количество дел связанных как раз с обращением к процедурам ОРС ВТО, в связи с применением мер неэкономического характера. В данном случае стоит опасаться применения государствами положений ст. XXI ГАТТ (исключений по соображениям безопасности) и доказывать обоснованность этих мер.

Дискуссионными являются вопросы: обладает ли орган ОРС ВТО, юрисдикцией выносить суждения по существу мер, оправдывая действия ответчиков по введению односторонних принудительных мер соображениями национальной безопасности, и обладает ли член ВТО правом единоличного усмотрения при применении «исключений по соображениям безопасности», если интересы являются несущественными такого права у членов ВТО нет?

Вместе с тем вопрос о том, является ли данное исключение по соображениям безопасности, будет в каждом конкретном случае решать орган, рассматривающий спор. До создания ВТО, в 1982 году государства-договаривающиеся члены ГАТТ приняли решение на министерской конференции, что орган будет воздерживаться от мер экономического принуждения, которые принимаются по неэкономическим или политическим соображениям.

Возможно, одной из главных причин отсутствия практики по данной статье является обстоятельство, вследствие которого вопросы национальной безопасности - это сферы личного усмотрения каждого конкретного государства. Национальная безопасность остается слишком чувствительной сферой, чтобы связанные жалобы направлять в тот или иной международный

судебный орган и чтобы этот орган рассматривал, в том числе и вопросы, связанные с национальной безопасностью.

Интересно, что РФ в 2015 году выступила с предложением во время министерской конференции в Найробе об уточнении формулировок ст. XXI ГАТТ. В частности предлагалось сфокусироваться на таких вопросах как установление обстоятельств, когда применение мер на основании «исключений по соображениям безопасности» оправдано, а также на разработке особых положений по требованиям транспарентности и возможности применения ответных мер.

Отдельно следует рассмотреть вопрос, связанный с практическим применением ст. XXI ГАТТ - исключения по соображениям безопасности (security exception). Примечательно, что на проблемы толкования положений данной статьи ГАТТ неоднократно обращалось внимание в научной литературе²⁷. Примечательно, что, несмотря на наличие определенной практики применения ст. XXI ГАТТ, практические сложности, связанные с ее толкованием и применением до сих пор не урегулированы.

Данная ситуация возникла вследствие наличия полярных точек зрения в международно-правовой литературе о том, что можно понимать под «существенными интересами безопасности». Кроме того, в различных правовых системах сложилась разная практика применения положений ст. XXI ГАТТ, что, в свою очередь, порождает вопрос о пределах толкования данной статьи и ее злоупотреблении. В связи с чем, практическим значением применения положений ст. XXI ГАТТ обладают выводы третейской группы ОРС ВТО в торговом споре *«Российская Федерация — меры в отношении транзита товаров»*²⁸.

Предметом рассмотрения данного спора являлись ограничительные меры, введенные РФ со ссылкой на ст. XXI ГАТТ, в отношении Украины по

---

27 Кадышева О.В. Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО // Закон. 2022. №8. С.71.

28 43 Panel Report, Russia — Measures Concerning Traffic in Transit. WT/DS512/R. Adopted 5 April 2019. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/512r_e.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

ограничению транзитных перевозок из Украины через территорию России в Казахстан и Киргизию.

Правовым обоснованием решения РФ выступил подп. (iii) п. (b) ст. XXI ГАТТ (положения, позволяющие принимать действия для защиты существенных интересов своей безопасности, если подобные меры принимаются в военное время или при других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях). Ключевым моментом в разрешении данного спора являлось толкование понятий «существенные интересы национальной безопасности» и установление третейской группой факта наличия «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях».

Проанализировав п. (b) ст. XXI ГАТТ группа пришла к выводу, что под «существенными интересами безопасности» следует понимать интересы государства, непосредственно связанные с осуществлением его основных функций. В частности, к таким следует отнести защиту территории страны от внешних угроз и поддержание правопорядка внутри государства. Предостерегая от возможных злоупотреблений и безграничного применения ст. XXI ГАТТ, третейская группа акцентировала внимание на том, что государство должно добросовестно толковать и применять положения ст. XXI ГАТТ.

При этом необходимо отметить, что для применения ст. XXI ГАТТ интересы государства должны быть именно существенными. В противном случае у государства отсутствуют правовые основания устанавливать какие-либо ограничительные меры со ссылкой на ст. XXI ГАТТ.

Вопрос о «существенности» таких интересов в каждом конкретном случае предстоит установить третейской группе, разрешающей спор. Несмотря на наличие толкования в проанализированном споре понятия «существенные интересы безопасности», пределы применения мер по соображениям безопасности - по-прежнему не определены.

В рамках рассматриваемого спора третейская группа, проанализировав понятие «наличие чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях» пришла к выводу, что под данным понятием в контексте ст. XXI(b)(iii) ГАТТ следует понимать ситуацию, явного либо скрытого вооруженного конфликта, повышенной напряженности и общей нестабильности.

Третейская группа констатировала, что сложившуюся ситуацию между Россией и Украиной, начиная с 2014 года можно охарактеризовать как «наличие чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях». Таким образом, группа пришла к выводу о правомерности введенных мер Россией в отношении Украины со ссылкой на ст. ст. XXI(b)(iii) ГАТТ.

В проанализированном споре группа дала толкование таким понятиям как «существенные интересы безопасности» и «наличие чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях», что, несомненно, обладает большим практическим значением для дальнейшего разрешения подобного рода споров. Вместе с тем выводы, приведенные третейской группой, не являются универсальными и не могут применяться ко всем без исключения спорам.

Последующее уточнение и развитие понятия «наличие чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях» содержится в выводах третейской группы в докладе по спору *«Саудовская Аравия — меры, касающиеся защиты прав интеллектуальной собственности»*²⁹. В данном деле Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет обвинили Катар в поддержке и финансировании терроризма, а также во вмешательстве во внутренние дела других государств. После чего данными государствами против Катара были введены ряд ограничительных мер.

Примечательно, что в данном деле третейская группа пришла к выводу, что наличие конфликта (вооруженного конфликта) между двумя

---

²⁹ 49 Panel Report, Saudi Arabia — Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights. WT/DS567/R. Adopted 16 June 2020. Para. 7.259. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/567r_e.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

государствами (как в примере между Россией и Украиной) для установления «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях» не является обязательным условием. Основанием признания «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях» также может являться резкое ухудшение дипломатических и экономических отношений между государствами.

Таким образом, с учетом стремительно формирующейся практики использования государствами положений ст. XXI ГАТТ и появление доклада третьей группы ОРС ВТО по вопросу правомерности введения ограничительных мер на основании ст. XXI ГАТТ все более актуальной становится проблема толкования и применения ст. XXI ГАТТ, в частности такой категории как «существенные интересы безопасности». Данный вопрос, в первую очередь, носит сугубо практический характер.

Государства, обращаясь к ст. XXI ГАТТ должны исходить из существенного характера интересов своей национальной безопасности. Природа таких интересов уже была и, несомненно, будет предметом теоретического исследования специалистов в области международного права и правил ВТО, однако окончательную ясность в данном вопросе внесет сама практика. Вопрос толкования «существенных интересов безопасности» приобретет особое значение, если какое-либо государство решит оспорить введенные в ее отношении односторонние ограничительные меры со ссылкой на ст. XXI ГАТТ.

В перспективе Российская Федерация, как государство, в отношении которого было введено беспрецедентное количество односторонних ограничительных мер, со ссылкой на «существенные интересы безопасности» обладает всеми основаниями для оспаривания данных ограничений посредством применения существующих механизмов в системе ВТО, в том числе посредством обращение с соответствующей жалобой в ОРС ВТО на действия государств, вводящих односторонние ограничительные меры.

Однако на сегодняшний день Российская Федерация пока что не обратилась в ОРС ВТО с целью оспорить введенные в ее отношении ограничительные меры со ссылкой на «соображения национальной безопасности». Специалисты в данной области приводят различные мнения выбранной Российской Федерацией стратегии. Ряд исследователей, полагают, что Российская Федерация еще не готова к такому серьезному шагу. При этом другая группа исследователей, напротив, полагает, что в нынешних условиях обращение Российской Федерации в ОРС ВТО с целью оспорить в ее отношении введенные ограничения, начиная с 2014 года, будет являться преждевременным и даже опрометчивым решением.

Проанализировав практику ОРС ВТО, а также с учетом нынешней международной обстановки, можно предположить, что третейская группа признает состояние вооруженного конфликта между Российской Федерацией и Украиной или резкое ухудшение дипломатических и экономических отношений между двумя государствами в качестве «чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях». Данное обстоятельство позволит признать правомерными, введенные в отношении Российской Федерации меры, а также даст возможность для определенных государств обратиться в ОРС ВТО с требованием разрешить ввести контрмеры в отношении Российской Федерации.

Таким образом, в данном случае Российской Федерации следует выбрать должную стратегию оспаривания, введенных в отношении нее ограничительных мер. Одной из таких стратегией может являться оспаривание введенных в отношении Российской Федерации мер с позиции наличия права у США и ряда других государств, вводить односторонние ограничительные меры, со ссылкой на «существенные интересы безопасности».

Расширительное толкование данной формулировкой привело к очевидному злоупотреблению со стороны США и европейских государств. Существенность интересов США и Европы в конфликте на Украине

вызывает серьезные сомнения, как и сама идея, что от данного конфликта страдает безопасность США или Европы. Подобная аргументация со стороны данных государств скорее носит политический, а не правовой характер, что в перспективе дает Российской Федерации серьезные основания для ее оспаривания.

Дальнейшее развитие и раскрытие понятия «существенные интересы безопасности» будет происходить с учетом формирующейся практики государств. Введение ограничительных мер со ссылкой на статью XXI ГАТТ создало опасный прецедент в международных отношениях, в частности в системе ВТО. Опасность подобного прецедента заключается в том, что категория «существенных интересов безопасности» является оценочной. Расширительное толкование интересов безопасности приводит к очевидному злоупотреблению в международных отношениях.

Сложность ситуации заключается в том, что определение сферы национальной безопасности государств осуществляется самими государствами в силу их суверенитета. Как показывает практика последних лет, подобное толкование приводит к расширению национальных интересов за пределами территории государств, зачастую затрагивая интересы других государств.

На сегодняшний день сформировалось два подхода к определению «существенных интересов безопасности». В соответствии с первым (ограниченным) подходом под «существенными интересами государства» следует понимать только те интересы, которые ограничиваются территорией самого государства, прилегающими границами к территории данного государства.

При данном подходе также учитываются интересы государства, связанные с ее участием в деятельности международных организаций, а также то, какие позиции государство занимает на международной арене. Данного подхода придерживается большинство, так называемых «развивающихся» государств.

При втором (широком) подходе категория «существенные интересы государства» подлежат расширительному толкованию. В соответствии с данным подходом, интересы государства не ограничиваются только его территорией, прилегающими государствами или участием в деятельности международных организаций. При данном подходе учитывается положение государства на международной арене, степень его влияния как на внутреннюю, так и внешнюю политику других государств.

Зачастую, государства, которые придерживаются данного подхода распространяют сферу своего влияния и на территорию других государств, в том числе посредством введения односторонних ограничительных мер. Подобное расширение существенных интересов безопасности приводит к вмешательству во внутренние дела других государств и нарушения их суверенитета. К сторонникам данного подхода, можно отнести группу, так называемых «развитых государств», включая США и их союзников. Квинтэссенцией данного расширительно подхода «существенных интересов» стали события на Украине. Начиная с 2014 года США и группой «западных держав» в отношении Российской Федерации вводятся ограничительные меры со ссылкой на нарушение «существенных интересов безопасности» данной группы государств.

Объявляя сферой национальных интересов территорию Украины, западные государства, не просто заявляют о своих прямых интересах на Украине, но и во многом нарушают суверенитет данного государства. Можно допустить, что в данном случае конфликт на Украине является лишь политическим поводом для введения односторонних ограничений группой западных государств в отношении Российской Федерации. Однако предметом данного исследования является не политическая, а правовая составляющая данной проблемы. В данном случае следует отметить, что правовым обоснованием введения односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации являются именно «существенные

интересы безопасности», предусмотренные соответствующими положениями ГАТТ и ГАТС.

Помимо выделения двух подходов при толковании существенных интересов безопасности: «ограниченного» и «расширительного» следует также отменить, что под категорией «существенных интересов безопасности» можно понимать непосредственно сами «интересы безопасности», а также «национальные интересы».

Данные понятия также можно разграничить на основе более «узкого» или «широко» подхода. Так, категория «интересы безопасности» является более узким подходом, тогда как «национальные интересы» напротив подлежат расширительному толкованию. Под «национальными интересами» следует понимать не только «интересы безопасности», но и иные возможные интересы, которые так или иначе имеют определенное значение для государства.

Буквальный анализ ст. XXI ГАТТ «исключения по соображениям безопасности» позволяет утверждать, что она посвящена именно категории «существенных интересов безопасности». Вместе с тем данное положение также подлежит расширительному толкованию и зачастую государства под «существенными интересами безопасности» понимают не только непосредственно «интересы безопасности», но и «национальные интересы».

Очевидно, что категория «национальные интересы» является более широкой и включает себя не только интересы, связанные с безопасностью, но и иные национальные интересы. Подобный расширительный подход позволяет определенной группе государств злоупотреблять ст. XXI ГАТТ и вводить односторонние ограничительные меры в отношении других государств со ссылкой на «существенные интересы безопасности», при этом включая в данную категорию не только интересы безопасности, но и иные национальные интересы. Данная ситуация опасна тем, что под категорию «национальные интересы» можно распространить на широкий круг общественных отношений.

Ситуация осложняется тем, что определенная группа западных государств распространяет свои национальные интересы далеко за ее пределами, что по мнению национальных правительств данных государств позволяет им вводить ограничительные меры со ссылкой на «существенные интересы безопасности». Зачастую под такими национальными интересами понимают, прежде всего, политические интересы различных государств. В этом также прослеживается политическая составляющая односторонних ограничительных мер. В данном случае они выступают инструментом политического воздействия на политику, проводимую другими государствами.

С этой точки зрения сложно предусмотреть правовые средства противодействия односторонним ограничениям, ввиду наличия в них существенной политической составляющей. Вместе с тем данная ситуация не означает, что в международном праве отсутствуют механизмы борьбы с подобными ограничениями. Напротив, поиск возможных путей противодействия во многом и является актуальной задачей современного международного права. Благодаря сложившейся ситуации возрастает роль и значение доктрины международного права, а также практикующих специалистов в области правил ВТО.

Таким образом, подводя итог проведенного в данном параграфе исследования категории «исключений по соображениям безопасности», можно отметить, следующие выводы:

1. правила ВТО предусматривают довольно большое количество исключений, которые позволяют государствам правомерно не исполнять свои обязательства принятые ими в рамках ВТО;
2. анализ «санкционного законодательства» США и европейских государств позволяет утверждать, что введение односторонних ограничительных мер происходит исключительно на основе их национального законодательства;

3. анализ нормативных правовых актов ЕС, на основании которых, начиная с 2014 года вводились односторонние ограничительные меры в отношении Российской Федерации, позволяет утверждать, что данные акты в принципе не содержат какого-либо правового обоснования, ввиду того, что вопросы национальной безопасности отнесены к юрисдикции каждого государства-члена ЕС;
4. анализ нормативных правовых актов Российской Федерации в области «санкционного законодательства» позволяет утверждать, что Российская Федерация обосновывает введение каких-либо ограничений против иностранного государства также по соображениям национальной безопасности;
5. в случае с Российской Федерации следует отменить, что наше государство прибегает к подобным ограничениям только в качестве ответных мер на недружественные действия в ее отношении со стороны иностранных государств;
6. западные государства исходят из расширительного толкования «интересов национальной безопасности», что, несомненно, приводит к злоупотреблению и требует должной оценки данных действий со стороны международного сообщества, в том числе на предмет соответствия нормам как общего международного права, так и правилам ВТО;
7. международно-правовым обоснованием введения односторонних ограничений в отношении Российской Федерации выступили положения "iii" п. "b" ст. XXI ГАТТ 1994 и подп. "iii" п. "b" ст. XIV-бис ГАТС. Данные положения предполагает введение односторонних ограничений при наличии военного времени и чрезвычайных обстоятельств в международных отношениях;
8. односторонние экономические принудительные меры находятся за рамками правового поля ВТО, поскольку они находятся в противоречии с ее основными целями и принципами;

9. в перспективе Российская Федерация, как государство, в отношении которого было введено беспрецедентное количество односторонних ограничительных мер, со ссылкой на «существенные интересы безопасности» обладает всеми основаниями для оспаривания данных ограничений посредством применения существующих механизмов в системе ВТО, в том числе посредством обращение с соответствующей жалобой в ОРС ВТО на действия государств, вводящих односторонние ограничительные меры;
10. на сегодняшний день сформировалось два толкования к определению «существенных интересов безопасности»: «ограниченное» и «расширительное».

ГЛАВА 3. СООТНОШЕНИЕ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР И ПРАВИЛ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

3.1 ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВАМИ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИСТЕМЕ ВТО

Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам дает разрешение государству, подавшему жалобу, принять соответствующие «ответные меры» только в случае нарушения срока по исполнению рекомендаций ОРС ВТО, установленного третейской группой, который начинается с даты принятия доклада третейской группой или доклада Апелляционного органа.

Единственной правомерной целью введения контрмер является устранения нарушения норм международного права, посредством принуждения государства, которое нарушило нормы международного права устранить данные нарушения. При этом в целях недопущения злоупотребления, потерпевшее государство должно соблюдать ряд требований.

Механизм применения контрмер выстроен таким образом, что у государств-участников ВТО отсутствует возможность вводить контрмеры без наличия соответствующих правовых оснований. В частности, право на введение контрмер у пострадавшего государства возникает только с момента получения разрешения ОРС ВТО на введение контрмер против государства-нарушителя. Уникальный порядок процедуры применения контрмер в системе ВТО, в первую очередь, связан с «разрешительным» характером введения контрмер.

Анализ практики ОРС ВТО позволяет утверждать: потерпевшие государства применяют право на введение контрмер в отношении государства-нарушителя с момента получения соответствующего разрешения ОРС ВТО.

В этой связи показательным является дело *ЕС-Hormones*³⁰. Односторонние ограничительные меры применялись в виде 100% импортных пошлин на товары, импортируемые из ЕС. Так, пошлины были введены в отношении деликатесов, ввозимых из Германии, Франции, Италии. В частности на сыр Рокфор, дижонскую горчицу, датскую ветчину, сырой трюфель, шоколад, соки и джемы.

Анализ данных ограничений позволил выявить факторы, которые учитывали США при отборе товаров, в отношении которых планировалось ввести односторонние ограничительные меры. Прежде всего, США брали во внимание степень влиятельности европейских производителей данных товаров, а также их лоббистские возможности.

Более того, планомерно выбор падал на те государства ЕС, чьи производители товаров могли серьезно пострадать от введения односторонних ограничительных мер. Также США в абсолютном большинстве случаев выбирали те государства ЕС, которые наиболее активно выступали за принятие и введение мер, которые впоследствии были оспорены США в ОРС ВТО, что с точки зрения США должно было восприниматься как мера наказания для таких стран ЕС.

Важным фактором, который учитывался США, являлось степень влиятельности страны-производителя. США при введении односторонних ограничительных мер оценивали влиятельность страны-производителя товаров на уровне ЕС. В частности, односторонние ограничительные меры не были введены в отношении Дании. Данное обстоятельство привело к тому, что товары, производившиеся в Дании были исключены из списка товаров, в отношении которых планировалось введение односторонних ограничительных мер, ввиду того, что Дания не обладает большим влияем в ЕС, как например Германия, Франция или Италия.

---

³⁰ EC Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones), WT/DS26/AB/R, WT/DS48/AB, R, 13 February 1998.

Еще одним обстоятельством, которым руководствовались США при введении односторонних ограничительных мер, являлось нанесение наименьшего вреда американским гражданам. Выбирались те товары, которые не должны были считаться товарами широкого потребления, либо те товары, которые можно было бы заменить товарами из других стран.

Кроме того, серьезным инструментом давления являлось внедрение на законодательном уровне «карусели» односторонних ограничительных мер. В соответствии с данной «каруселью» обновление списка товаров, в отношении которых вводились ограничительные меры, должно было происходить каждые 6 месяцев³¹. Вместе с тем данный инструмент давления ни разу не был применен, сам факт существования подобной «карусели» рассматривается представителями США как весьма действенный способ принуждения государств к исполнению решений ОРС ВТО.

Практика применения ЕС односторонних ограничительных мер, интересна тем, что ЕС за всю историю существования системы ВТО всегда рассматривал возможность использования односторонних ограничительных мер в ВТО в качестве средства принуждения к исполнению решений ОРС. В данном контексте интересен анализ дела ЕС- FSC (Foreign Sales Corporations).

В данном деле ЕС получил право применить в отношении США односторонние ограничительные меры на рекордную в истории всей системы ВТО сумму, которая составила 4 миллиарда долларов в год³². ЕС по аналогии с США организовал и провел публичное обсуждение списка тех товаров, в отношении которых планировалась введение односторонних ограничений в виде повышенных пошлин. Но ЕС, в отличие от США выбрал более мягкий подход, который заключался в постепенном повышении пошлин на товары, импортируемые из США, вместо введения сразу 100% импортных пошлин на

---

³¹ Ford R. «The Beef Hormone Dispute and Carousel Sanctions: A Roundabout Way of Forcing Compliance with World Trade Organization Decisions» // Brooklyn Journal of international law 202 vol. 27 P. 568.

³² WTO, United States — Tax Treatment for «Foreign Sales Corporations Recourse to Arbitration by the United States under Article 22.6 of the DSU and Article 4.11 [...]» — Decision of the Arbitrator WT/DS108/ARB 30 August 2002.

выбранные товары. ЕС повысил пошлины на товары, импортируемые из США на 5%, в последующем на 1% за каждый месяц неисполнения США решения ОРС и до достижения уровня 17%.

Следует отменить «чуткий» подход ЕС к выбору товаров с учетом политической составляющей. ЕС сконцентрировал все свое внимание на политически влиятельных экспортеров товаров из тех американских штатов, поддержка которых была важна для предвыборной гонки 2004 года президента США Буша-младшего. В этой связи США мгновенно исполнили все решения ОРС, причем, не дожидаясь объявления дня начала применения односторонних ограничительных мер.

Таким образом, ЕС использовали грамотный, и взвешенный подход применения односторонних ограничительных мер в системе ВТО. В случае с ЕС лучшим «получателем» односторонних ограничительных мер являются те производители, чей капитал только находится под угрозой применения односторонних ограничительных мер, либо ощущают негативный эффект от применения данных односторонних ограничений.

В этом и заключается тот самый избирательный и взвешенный подход ЕС в вопросах применения односторонних ограничительных мер. Так как производители будут более настойчивыми, и требовать от своих национальных правительств исполнения решения ОРС, по сравнению с теми производителями, которые ввиду введения ограничений перестали быть игроками рынка.

Отдельного исследования заслуживает практический вопрос, связанный с эквивалентностью запрашиваемых односторонних ограничительных мер в рамках ВТО.

В ст. 22.4 Договора оговорено, что «уровень приостановления уступок или других обязательств, разрешенный ОРС, должен соответствовать уровню аннулирования или сокращения выгод». В свою очередь, в ст. 4.10 Соглашения о субсидиях и компенсационных мерах (Соглашение) применительно к запрещенным субсидиям используется

термин «соответствующие ответные меры». Вместе с тем в ст. 7.9 Соглашения указывается на введение ответных «соразмерных» мер.

По вопросу эквивалентности ограничений в системе ВТО можно утверждать, что большая часть норм ст. 26.6 Договоренности является не определенной. Ввиду данного обстоятельства, третейские группы прибегали к расширительному толкованию норм. Благодаря данному расширительному толкованию в ряде случаев арбитрам удавалось установить цель введения односторонних ограничений.

В частности, в результате толкования, третейские группы пришли к выводу, в соответствии с которым квалификация односторонних ограничений в качестве мер наказания является ошибочной.

Метод расчетов, который был использован арбитрами в большинстве случаев введения односторонних ограничительных мер рассматривался в качестве «возмездия». Данный метод подразумевал, что заявителю следовало, было получить право на причинение эквивалентного вреда, который был нанесен ему ограничением, оспоренной ОРС.

Примечательно, что обращение к данному методу было осуществлено в решении об эквивалентности односторонних ограничений в деле *EC-bananas*, а также во всех остальных случаях эквивалентности. При применении данного метода, в первую очередь, устанавливался вред, который был нанесен оспоренной мерой государству-заявителю.

В целях правильного расчета вреда применялось сравнение двух ситуаций. В рамках первой ситуации подразумевалось наличие оспоренной меры, тогда как в другой ситуации данная мера отсутствовала. В результате такого сравнения оценивались запрошенные контрмеры на предмет анализа предполагаемого ущерба, который может быть причинен государству, в отношении которого вводятся данные ответные меры.

При этом весомым фактором являлось то, что оспариваемая мера и запрашиваемые односторонние ограничения должны были полностью блокировать торговлю в соответствующем секторе экономики. При этом

окончательный размер вводимых ограничений не должен был превышать установленного размера вреда, причиненного оспоренной мерой.

Особого исследования заслуживает вопрос расчета эквивалентности односторонних ограничений в виде временного прекращения уступок по другим соглашениям ВТО, в том числе таким как Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Серьезной проблемой, с которой столкнулись арбитры являлся выбор модели в целях сравнения эквивалентности.

При этом необходимо учитывать тот факт, что еще более затруднительной задачей будет являться управление процессом временного прекращения уступок по сравнению с введением запретительных пошлин на ввозимые товары. В соответствии с логикой статей Договоренности подобные ограничения подлежали немедленной отмене с того момента как государство-нарушитель приступит к исполнению решения ОРС ВТО.

Право на применение подобных ограничений в практике ОРС ВТО, впервые возникло у Эквадора в отношении ЕС³³. Вместе с тем Эквадор как государство, у которого возникло право на введение ограничений, представил подробное описание планируемого приостановления уступок в области прав интеллектуальной собственности.

При этом Эквадор никогда полностью не собирался отменять правовую охрану объектов интеллектуальной собственности. Вместо этого Эквадор планировал установить систему, которая предоставляла право компаниям Эквадора обращаться в правительство за получением советующего разрешения по приостановлению правовой защиты в отношении объектов интеллектуальной собственности.

Анализируя практику решения арбитрами вопросов, связанных с эквивалентностью, следует отменить, что, пожалуй, самой уязвимой стороной расчета эквивалентности вводимых односторонних

---

³³ European Communities — Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas — Recourse to Arbitration by the European Communities under Article 22.6 [...]U — Decision by the Arbitrators, WT/DS27/ARB/ECU 24 March 2000 P. 170.

ограничительных мер являлось то, что в Договоренности отсутствуют указания на то, какие ситуации считать «идеальными» и какими они должны быть. В данной ситуации все расчеты причинения вреда от введения оспоренной меры в определенной степени содержат в себе субъективный фактор и зависят от субъективных суждений в каждом конкретном случае.

Вместе с тем как отмечает Р. Худек «главное не сам факт эквивалентности, а наличие некоего заслуживающего доверия механизма, который мог бы определять эквивалентность политически приемлемым образом³⁴». Можно прийти к выводу, что государства вынуждены принимать любые методы расчетов эквивалентности односторонних ограничительных мер, которые применяют государства.

В целом как уже было рассмотрено в предыдущих главах, государства, активно обращаются к механизму применения и, введения ответных мер (контрмер) в системе ВТО. Несомненно, данная система обладает существенными достоинствами и вносит некоторую определенность в вопросах соотношения «односторонних ограничительных мер» и «контрмер».

Контрмеры в системе ВТО имеют определенные общие черты с понятием контрмер в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. При этом данный Проект статей, содержит строгие условия, при которых контрмеры признаются правомерными (данные условия были рассмотрены во втором параграфе первой главы).

Анализируя правовую природу контрмер ВТО, можно предположить, что во многом контрмеры в системе ВТО реализованы именно так, как они задуманы в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. В определенном смысле практическим примером реализации контрмер, которые заложены в Проекте статей, являются уже

---

³⁴ Hudec R. «Broadening the Scope of Remedies in WTO Dispute Settlement» // «Improving WTO dispute settlement procedures: issues and lessons from other international courts and tribunals» Friedl Weiss ed., 2000 P. 390.

действующие и активно применяющие контрмеры в системе ВТО. В данном случае наблюдается интересный парадокс.

Проект статей не вступил в силу, но контрмеры, заложенные в Проекте статей, уже давно применяются государствами. Во многом данная ситуация стала возможной благодаря механизму контрмер, предусмотренному в системе ВТО.

Вместе с тем критерии и условия правомерности контрмер в системе ВТО строго не закреплены, в отличие от Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и скорее выработаны в процессе практического применения данных контрмер, а также содержатся в правовых позициях третейских групп.

С учетом, проанализированных международно-правовых соглашений в системе ВТО, относящихся к контрмерам, в частности, такого как Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам, а также правовых позиций третейских групп, можно предложить следующие критерии правомерности и особенности контрмер в системе ВТО:

1. единственной правомерной целью введения контрмер является устранения нарушения норм международного права, в том числе норм, предусмотренных соответствующими соглашениями в системе ВТО, посредством принуждения государства, которое нарушило нормы международного права устранить данные нарушения;
2. механизм применения контрмер выстроен таким образом, что у государств-участников ВТО отсутствует возможность вводить контрмеры без наличия соответствующих правовых оснований;
3. право на введение контрмер у пострадавшего государства возникает только с момента получения разрешения ОРС ВТО на введение контрмер против государства-нарушителя;

4. уникальный порядок процедуры применения контрмер в системе ВТО, в первую очередь, связан с «разрешительным» характером введения контрмер;
5. потерпевшие государства используют право на введение контрмер в отношении государства-нарушителя с момента получения соответствующего разрешения ОРС ВТО;
6. государством, вводящим контрмеры, учитывается степень влияния производителей
7. государством, вводящим контрмеры, учитывается вред, который может быть причинен производителям от введения односторонних ограничительных мер;
8. нанесение наименьшего вреда гражданам своих стран от введения контрмер;
9. учет политической составляющей;
10. учет эквивалентности запрашиваемых односторонних ограничительных мер в рамках ВТО;
11. методы, которые лежат в основе расчета эквивалентности односторонних ограничений.

При этом необходимо отметить, что при соблюдении перечисленных условий и особенностей данные ответные меры (контрмеры) являются допустимыми и признаются в качестве правомерных ограничений.

Односторонние ограничительные меры, вводимые государствами без соблюдения условий правомерности вводимых ограничений нельзя квалифицировать в качестве правомерных контрмер.

Подобные ограничения находятся вне рамок правил ВТО. Данное обстоятельство является еще одним проблемным аспектом.

На сегодняшний день отсутствует понимание того как квалифицировать односторонние ограничительные меры, которые находятся за пределами правил ВТО.

Подобные ограничения не просто не поддается оценки и квалификации с позиции норм и принципов ВТО, но еще и нарушают ее базовые принципы. Одним из возможных предположений решения данной проблемы является создание специальной комиссии при ВТО по оценке и квалификации таких неправомерных односторонних ограничительных мер.

3.2 КРИТИКА РЕЖИМА ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИСТЕМЕ ВТО И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ

По мнению ряда исследователей, наделение государств, правом вводить односторонние ограничительные меры (контрмеры) в отношении государств, нарушивших правила ВТО, создает определенную правовую неопределенность в международном праве и нарушает верховенство правил ВТО.

Вместе с тем позиция данных исследователей является дискуссионной. Ввиду той причины, насколько вообще целесообразно ставить вопрос о верховенстве правил ВТО в международных торговых отношениях. Как было отмечено ранее, ВТО – является классической международной межправительственной организацией, которая устанавливает общие институциональные рамки и правила международной торговли.

Вместе с тем члены ВТО не обладают никакими обязательствами перед организацией, равно как и ВТО не несет обязательств перед ее членами. ВТО является своеобразным «форумом» для обсуждения вопросов, связанных с международной торговлей. В данном контексте следует отметить, что в системе ВТО для ее государств-членов отсутствует диктат правил «права» ВТО.

Еще одним основанием в соответствии с которым, режим односторонних ограничительных мер подвергается критике является то, что ограничительные меры, как правило, предусматривают повышение тарифных и нетарифных барьеров, которые предполагают ограничение доступа на рынок товаров из государства, в отношении которого были введены односторонние ограничительные меры (контрмеры). Опасность данной ситуации заключается в том, что подобные ограничения возвращают к политике протекционизма.

Более детальное исследование недостатков режима односторонних ограничительных мер (контрмер) в системе ВТО позволяет отметить

следующие. Прежде всего, односторонние ограничительные меры не всегда приводят к достижению желаемого и эффективного результата. В частности, в деле на импорт говядины, ЕС так и не решился на отмену своего запрета на импорт говядины, которая выращивалась с использованием гормонов роста. На решение ЕС не повлияло данное обстоятельство, в результате чего США и Канада получили право на введение повышенных пошлин на товары, произведенных в ЕС.

Данные торговые противоречия между ЕС с одной стороны, США и Канадой с другой, разрешились подписанием специального торгового соглашения в 2012. В соответствии с данным торговым соглашением, ЕС сохранил введенный ранее запрет в обмен на повышение квоты для США и Канады на ввоз в ЕС высококачественной говядины.

Весомым основанием в соответствии с которым режим односторонних ограничительных мер подвергается открытой критике, является обстоятельство, вследствие которого государства стали злоупотреблять существующими особенностями процедуры разрешения споров в системе ВТО.

Данное злоупотребление государства осуществляют в целях того, чтобы, насколько это допустимо оттянуть момент введения односторонних ограничительных мер, и только после этого государства отменяют введенные ими меры. При этом данная ситуация приводит к тому, что создается ситуация при которой сроки, рассмотрения споров, закрепленные в Договоренности давно не соблюдаются. На сегодняшний день средний срок рассмотрения дела, как третейскими группами, так и Апелляционным органом составляет от 3 до 4 лет.

В практике встречаются случаи, более длительных сроков рассмотрения дела. В связи с чем, учитывая, внушительную статистику обращений в ОРС и исполнение принятых решений, целесообразно ставить вопрос не об эффективной системе рассмотрения споров, а сколько о том, что государства научились использовать специфику односторонних

ограничительных мер в системе ВТО в своих собственных целях. Подобная ситуация привела к тому, что государства прибегают к введению односторонних ограничительных мер вне правового поля ВТО, тем самым создавая, так называемый «экстерриториальный хаос». Несомненно, действия государств, по применению односторонних ограничительных мер вне рамок ВТО справедливо подвергаются критике. Вместе с тем следует отметить, что государства, в том числе прибегают к подобным действиям, ввиду существующих недостатков рассмотрения споров в системе ВТО.

Еще одним основанием, в соответствии с которым режим односторонних ограничительных мер подвергается критике, является тот факт, что государства, которые активно вводят односторонние ограничения против других государств, сами подвержены негативному эффекту от подобных действий, причиняя вред своим национальным экономикам. В частности введение односторонних ограничительных мер в форме повышенных импортных пошлин как правило причиняет вред экономике того государства, которое их вводит.

Что касается предложений по реформированию режима односторонних ограничительных в системе ВТО, то они также не лишены разумной и справедливой критике. Одним из интересных предложений по реформе существующего режима односторонних ограничений, которое заслуживает внимание является предложение о введении обеспечительных мер, которые могли бы применяться третьей группой по инициативе государства-заявителя в момент принятия жалобы к рассмотрению.

Предлагаемой формой обеспечительных мер может являться временный отказ государства-ответчика от введенной им меры, которая стала предметом разбирательства в ОРС ВТО. В случае отказа государства-ответчика выполнять предписание в виде обеспечительных мер, государство-заявителя следует наделять правом введения односторонних ограничительных мер в отношении государства-ответчика, не дожидаясь вынесения решения по существу.

Кроме того, в научной литературе распространено предложение об установлении обязанности выплаты компенсации выигравшей стороне. Сторонники данного предложения в качестве образца для реформирования режима односторонних ограничительных мер в системе ВТО предлагают обратиться к опыту Суда Европейского Союза. Суд ЕС довольно часто прибегает к использованию своего права накладывать на государство-нарушителя одновременно и штраф, и пени за каждый день существующего нарушения.

Подобные предложения о реформировании режима односторонних ограничительных мер подвергаются обоснованной критике со стороны сторонников существующей системы односторонних ограничительных мер в системе ВТО³⁵. Основное обстоятельство, в соответствии с которым реформирование существующего режима односторонних ограничительных мер представляет маловероятным, заключается в том, что все подобные предложения по реформе требуют внесения изменений в соответствующие статьи Договоренностей, что на практике представляется довольно сложной задачей.

Вместе с тем, ряд исследователей (преимущественно зарубежных) положительно оценивают существующий режим односторонних ограничительных мер в системе ВТО, отмечая, что отсутствие обязанности возмещать упущенную выгоду и ущерб представляется весьма серьезным стимулом для государств передавать свои споры в ОРС ВТО, в том числе в целях уточнения и толкования различных положений соглашений ВТО.

Таким образом, существующий режим односторонних ограничительных мер в системе ВТО обладает рядом недостатков, среди которых:

---

³⁵ Nzelibe J. «The case against reforming the WTO enforcement mechanism» // University of Illinois Law Review, 2008, No 1. P. 319.

- 1) создание правовой неопределенности в международном праве и нарушение правил или как отмечают ряд исследователей права «ВТО»;
- 2) повышение тарифных и нетарифных барьеров, которые предусматривают ограничение доступа на рынок товаров из государства, в отношении которого были введены односторонние ограничительные меры (контрмеры);
- 3) односторонние ограничительные меры (контрмеры) в системе ВТО по своей природе предназначены для обеспечения исполнений решений ОРС в основном посредством сообразного рода «угроз»;
- 4) односторонние ограничительные меры не всегда приводят к достижению желаемого и эффективного результата;
- 5) государства стали злоупотреблять существующими особенностями процедуры разрешения споров в системе ВТО в целях того, чтобы, насколько это допустимо, оттянуть момент введения односторонних ограничительных мер, и только после этого государства отменяют введенные им меры;
- 6) государства, которые активно вводят односторонние ограничения против других государств, сами подвержены негативному эффекту от подобных действий, причиняя вред своим национальным экономикам;
- 7) предложения по реформированию режима односторонних ограничительных мер способны в определенной степени преодолеть данные недостатки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного исследования следует отметить, что международно-правовая природа односторонних ограничительных мер является определенной. Санкции и односторонние ограничительные меры можно рассматривать в качестве принудительных мер. Однако принудительные меры в международном праве можно квалифицировать в качестве правомерных и неправомерных.

Санкции, принимаемые с помощью международных организаций («вертикальные санкции») следует квалифицировать в качестве правомерных принудительных мер. Односторонние ограничительные меры, принимаемые одним государством в отношении другого государства, следует рассматривать в качестве неправомерных принудительных мер.

Активное применение односторонних ограничительных мер в международных отношениях наносит серьезный ущерб международному правопорядку. В условиях становления многополярного мира идея «подчиненности» одних государств, другим государствам является крайне сомнительной. Можно констатировать, что на сегодняшний день происходит подмена понятий как в публицистической, так и в научной литературе. Под «санкциями» понимают односторонние ограничительные меры и контрмеры.

Категория «санкции» скорее является публицистической, чем правовой. Санкции являются формой международно-правовой ответственности и правомерно могут применяться только международными межправительственными организациями в отношении своих членов. Применения санкций в том понимании, в котором изначально закладывалось в международном праве, возможно только Советом Безопасности ООН. Во всех остальных случаях односторонние действия государств по введению ограничений в отношении других государств нельзя квалифицировать в качестве «санкций» с точки зрения норм и принципов международного права. Такие односторонние действия применяются государствами в силу их суверенитета и на основе их национального права. В связи с чем для

обозначения данных действий корректно будет использовать термин «односторонние ограничительные меры».

Кроме того, важно отграничивать понятие односторонних ограничительных мер от контрмер. Контрмеры в международном праве могут быть признаны правомерными только при наличии тех критериев, которые закреплены в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, тем самым односторонние ограничительные меры нельзя отождествлять с понятием контрмер. Таким образом, односторонние ограничительные меры составляют отдельную группу ограничительных мер, наряду с санкциями и контрмерами.

Институт контрмер в понимании разработчиков Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и самого «духа» Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния воплощен именно в системе ВТО. Проанализированные соглашения ВТО, в частности Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров ВТО, закрепляют основания, в соответствии с которыми у государств возникает право на введение ответных мер (контрмер), которые можно квалифицировать в качестве правомерных и допустимых односторонних ограничительных мер.

Единственным возможным легитимным основанием введения односторонних ограничительных мер в отношении Российской Федерации со стороны ряда западных государств является нарушение интересов национальной безопасности таких государств, предусмотренные подп. "iii" п. "b" ст. XXI ГАТТ 1994 и подп. "iii" п. "b" ст. XIV-бис ГАТС.

Действия государств по введению односторонних ограничительных мер создают немало правовых трудностей, носящих сугубо практический характер. В первую очередь по той причине, что правовым обоснованием введения подобных ограничений выступают национальные нормативные правовые акты или акты интеграционных объединений, таких как ЕС, а также принцип суверенитета государств.

Государства, обращаясь к ст. XXI ГАТТ должны исходить из существенного характера интересов своей национальной безопасности. Вопрос толкования «существенных интересов безопасности» приобретет особое значение, если какое-либо государство решит оспорить введенные в ее отношении односторонние ограничительные меры со ссылкой на ст. XXI ГАТТ.

Односторонние ограничительные меры, выходящие за рамки правового поля, не подлежат оценке со стороны правил ВТО. Данные ограничительные меры сказываются на развитии международных отношений, вследствие чего их нельзя квалифицировать в качестве контрмер.

Существующий режим односторонних ограничительных мер в системе ВТО обладает рядом недостатков. Вместе с тем, предложения по реформированию режима односторонних ограничительных мер способны в определенной степени преодолеть данные недостатки. В том числе, предложения по введению обеспечительных мер, которые могли бы применяться третьей группой по инициативе государства-заявителя в момент принятия жалобы к рассмотрению, а также введение штрафов или обязанности возместить ущерб вместо отказа от предоставления уступок, переход к некоторой ретроактивности для того, чтобы обеспечить исполнение в разумные сроки, введение механизма постепенного увеличения санкций по мере того, как государство отказывается исполнять решение ОРС ВТО, установление обязанности по выплате компенсации выигравшей стороне.

На сегодняшний день неуклонно растет количество односторонних ограничительных мер, что создает новый, не имеющий до этого аналогов инструмент воздействия на различные области международных отношений, в том числе торговых. Подобные односторонние ограничительные меры, выходящие за рамки международного права и правил ВТО, несомненно, создают новые вызовы и угрозы международным отношениям.

Одним из предложений, направленных на противодействие данным односторонних ограничительных мер, является подача жалоб от потерпевших государств, в отношении которых были введены подобные односторонние ограничительные меры, в ОРС ВТО по оспариванию данных мер, признанию их неправомерными и оценке действий государств, которые активно применяют односторонние ограничительные меры вне рамок правового поля ВТО и международного права в целом. В этой связи, можно отметить, что Российская Федерация обладает определенными перспективами оспаривания односторонних ограничительных мер, посредством применения существующего механизма в системе ВТО.

Кроме того, еще одним предложением по разрешению существующего международно-правового кризиса, возникшего в результате введения отдельными государствами односторонних ограничительных мер, является создание специальной комиссии по оценке данных односторонних ограничительных мер при ВТО, куда вошли бы все государства-члены ВТО.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права / С.С. Алексеев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. 396 с.
- 2) Василенко В.А. Международно-правовые санкции / В.А. Василенко. – Киев : Высшая школа, 1982. 230 с.
- 3) Кадышева О.В. Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО // Закон. 2022. №8. С.71-81
- 4) Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юр. наук / Крицкий Кирилл Владимирович; Московский государственный институт международных отношений. Москва, 2019. 226 с.
- 5) Курдюков Г.И. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы / Г.И. Курдюков, М.В. Кешнер // Журнал российского права. 2014. № 9(213). С. 103-115.
- 6) Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
- 7) Мазов В.А. Ответственность в международном праве: Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности / В.А. Мазов. – Москва: Юридическая литература, 1979. 151 с.
- 8) Негматова Т.М. Классификация международных санкций и критерии их легитимности / Т.М. Негматова // Вестник Таджикского национального университета. 2018. № 5. С. 99-108.
- 9) Страчко В.О. Санкции и их виды в международном праве / В.О. Страчко, К.А. Метельская // Идеи правового государства в

- юридической доктрине и конституционной практике Беларуси: история и современность : материалы международной научно-теоретической конференции студентов, магистрантов, аспирантов (Минск, 27—28 ноября 2014 г.). – Минск : Экоперспектива, 2014. С. 173-174.
- 10) Толстых В.Л. Курс международного права / В.Л. Толстых. – Москва: Проспект, 2018. 734 с.
  - 11) Anderson K. «Peculiarities of retaliation in WTO dispute settlement» // *World Trade Review* (2002), 1: 2, P. 123-134.
  - 12) Elagab O.Y. *The Legality of Non-Forcible Counter-Measures in International Law*. – London, 1988. 202 p.
  - 13) Horlick G., Coleman J. «The compliance problem of the WTO» // *Arizona Journal of International and Comparative Law*, vol. Vol. 24, No. 1 2007 P. 141-147.
  - 14) Kunz J.L. *Sanctions in International Law*. *The American Journal of International Law*. – 1960. – № 54(2). P. 324-347.
  - 15) Nzelibe J. «The case against reforming the WTO enforcement mechanism» // *University of Illinois Law Review*, 2008, No 1. 319 p.
  - 16) Oppenheim L. *International Law*. London, 1952. Vol. II. 34 p.
  - 17) Pons X. F. Op. cit.; Crawford J. *Third Report on State responsibility*. Doc. A/CN.4/507/Add.1. 2000. P. 29—30.
  - 18) R. Brewster «The Remedy Gap: Institutional Design, Retaliation, and Trade Law Enforcement» // *The George Washington Law Review* Vol. 80. 2011. P. 102-158.
  - 19) R. Ford «The Beef Hormone Dispute and Carousel Sanctions: A Roundabout Way of Forcing Compliance with World Trade Organization Decisions» // *Brooklyn Journal of international law* 202 vol. 27 P. 542-573.
  - 20) R. Hudec «Broadening the Scope of Remedies in WTO Dispute Settlement» // «Improving WTO dispute settlement procedures: issues and lessons from other international courts and tribunals» Friedl Weiss ed., 2000. 390 p.

- 21) Sebastian T. «World Trade Organization Remedies and the Assessment of Proportionality: Equivalence and Appropriateness» / Harvard International Law Journal / Vol. 48 № 2, summer 2007 t P. 337-382.

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

- 1) Устав ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 18.06.2023).
- 2) Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН № A/RES/56/83 (Нью-Йорк, 12 декабря 2001 г.). URL: http://dag.un.org/bitstream/handle/11176/237428/A_RES_56_83RU.pdf?sequence=5 (дата обращения: 31.07.2023).
- 3) Устав Совета Европы (Лондон, 5 мая 1949 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901954/titles/2CEA3RV> (дата обращения: 16.07.2023).
- 4) Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (Нью-Йорк, 21 декабря 1965 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 11.07.2023).
- 5) Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 24 октября 1970 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 13.07.2023).
- 6) Всеобщая декларация прав человека (Париж, 10 декабря 1948 года). URL:

- https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
- 7) Международный пакт об экономических социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
  - 8) Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
  - 9) Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 16.07.2023).
  - 10) Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902152> (дата обращения: 07.08.2023).
  - 11) Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». [Электронный ресурс]// СПС «Консультант» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64883 (дата обращения: 21.07.2023).
  - 12) Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524 – 2538.
  - 13) Генеральное соглашение по торговле услугами 1994 г. // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524 – 2538
  - 14) International Emergency Economic Powers Act (IEEPA) // 50 U.S. Code Chapter 35.
  - 15) National Emergencies Act (NEA) // 50 U.S. Code Chapter 34.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

- 1) 43 Panel Report, Russia — Measures Concerning Traffic in Transit. WT/DS512/R. Adopted 5 April 2019. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/512r_e.pdf.
- 2) 49 Panel Report, Saudi Arabia — Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights. WT/DS567/R. Adopted 16 June 2020. Para. 7.259. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/567r_e.pdf.
- 3) Brazil — Export Financing Programme for Aircraft — Recourse to Arbitration by Brazil under Article 22.6 of the DSU and Article 4.11 of the SCM Agreement — Decision by the Arbitrators 28/08/2000 WT/DS46/ARB.
- 4) Council Decision 2014/145/CFSP // Official Journal of the European Union. L 78/16-18.
Council Regulation (EU) N 269/2014 // Official Journal of the European Union. L 78/6-15.
Council Regulation (EU) N 833/2014 // Official Journal of the European Union. L 229/1-11.
- 5) EC Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones), WT/DS26/AB/R, WT/DS48/AB, R, 13 February 1998.
- 6) European Communities — Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones) — Original Complaint by the United States — Recourse to Arbitration Decision by the Arbitrators WT/DS26/ARB P. 83.
- 7) European Communities — Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas — Recourse to Arbitration by the European Communities under Article 22.6 [...]U — Decision by the Arbitrators, WT/DS27/ARB/ECU 24 March 2000 P. 170.
- 8) WTO, United States — Tax Treatment for «Foreign Sales Corporations Recourse to Arbitration by the United States under Article 22.6 of the DSU and Article 4.11 [...]nt» — Decision of the Arbitrator WT/DS108/ARB 30 August 2002.